

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 38

1984

Евгений ЕВСЕЕВ

**ПАЛЕСТИНЦЫ—
НЕПОКОРЕННЫЙ НАРОД**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 38

Евгений ЕВСЕЕВ

**ПАЛЕСТИНЦЫ —
НЕПОКОРОЕННЫЙ НАРОД**

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Евгений ЕВСЕЕВ

Евгений Семенович Евсеев — советский ученый, публицист и общественный деятель. Член Президиума Советского комитета дружбы и солидарности с арабским народом Палестины, руководитель секции «Новая и новейшая история» Российского палестинского общества при Академии наук СССР. Член Союза журналистов СССР. Автор книг: «Фашизм под голубой звездой», «Сионизм: идеология и политика», «Враг мира и прогресса» и др.

НЕПОКОРЕННЫЕ

Впервые мне довелось увидеть лагерь палестинских беженцев двадцать с лишком лет назад на Синае. Я видел драные убогие шатры в синайских песках, где была вынуждена обитать часть палестинцев, бывал в убогих глинобитных хижинах, лепившихся рядами одна к другой в секторе Газа. И никогда не забуду глаза обитателей этих страшных в своей постоянности «временных» лагерей, где оказались запертыми палестинские арабы, лишенные родной земли, крова и отчизны жестокой рукой сионизма.

Тяжела и трагична судьба человека, потерявшего родину, кров и очаг, но в тысячу раз трагичнее и тяжелее участь целого народа, арабского народа Палестины, лишенного сионистами родины.

На каких весах и какой мерой можно измерить горе этого многострадального героического и свободолюбивого народа? Для этого нет ни весов, ни меры, но так или иначе судьбе палестинцев сочувствует весь мир.

Сочувствие, конечно, важно. Разделенное горе всегда вдвое легче. Однако горе здесь особенное, и помощь словами недостаточна.

Ведь на глазах народов всей земли вершится тягчайшее преступление против человечества — геноцид в отношении арабского народа Палестины, у которого захватчики вознамерились отнять не только родную землю и надежды на возвращение, но и самое священное право человека — право на жизнь.

С упорством маньяка четвертое десятилетие сионистский режим Израиля стремится силой оружия и с помощью чудовищной лжи, при широчайшей поддержке влиятельных империалистических кругов во главе с Соединенными Штатами Америки, при активном участии в глобальном антипалестинском заговоре международного сионизма зачеркнуть само понятие — арабский народ Палестины.

Поддерживаемый американским империализмом, другими силами мировой реакции Тель-Авив демонстрирует на Ближнем Востоке весь арсенал сионистской политики «окончательного решения» палестинского вопроса в соответствии с идейными установками лидеров сионизма.

Под лозунгом, сформулированным еще при жизни официального основателя Всемирной сионистской организации Теодора Герцля — «народу без земли — землю без народа», шло вытеснение коренных жителей страны — палестинцев задолго до провозглашения пресловутой «декларации независимости» в мае 1948 года и образования государства Израиль. Террор и лицемерие, шантаж и обман всегда составляли суть сионистской политики по отношению к арабскому народу Палестины, который, согласно декларациям сионистских авторитетов больших и малых рангов, вообще не существует. Стоит вспомнить вызывающие гнев и возмущение сентенции ныне покойной Голды Меир, бывшего премьер-министра Израиля, сказавшей во всеуслышание: «Не существует такой вещи, как палестинцы... Да, не существует». По другому поводу эта женщина, сама мать и бабка, высказалась в традициях гитлеровских «сверхчеловеков», когда заявила: «Каждое утро меня бросает в дрожь и я выхожу из себя, когда представляю, что на свет опять появились новорожденные палестинские младенцы».

Такова степень деградации этого изувера в юбке, «суперменши» из Тель-Авива, так просто, с хладнокровием и сознанием вседозволенности решавшей не только палестинскую проблему, но и вообще судьбу обездоленного, но не сломленного сионизмом почти 4,5-миллионного народа, разбросанного по временным пристанищам в разных уголках арабского мира.

Я был свидетелем и очевидцем, как превращенные в беженцев тысячи палестинцев уходили в Иорданию, Ливан, опаленные солнцем пески Синай, селились во временных хижинах и палатках лагерей. Искусные ремесленники и земледельцы, виноградари и пахари оказывались оторванными не только от родины, но и от всего того, что составляет смысл их жизни.

Указывая на этих бесправных, кого из сострадания временно приютили соседние арабские страны, сионистская пропаганда постоянно твердила, что «нет палестинского народа, а есть только беженцы», якобы своей охотой и добровольно выбравшие своим уделом на целые десятилетия обитание в убогой глинобитной хижине или палатке в лагере беженцев.

План вытеснения арабского народа Палестины и завоевания «лебенсraum» (гитлеровский термин — жизненное пространство) для евреев-переселенцев был столь тщательно выверен до мельчайших деталей, сколь и чудовищен метод его осуществления. План предполагал, во-первых, поэтапное «освоение» отнятой у арабов земли и, во-вторых, «очищение» от палестинцев тех районов, которые сионисты вознамерились включить в границы «исторической родины» евреев независимо от места их действительного рождения.

И «осваивали» и «очищали»! Вначале это делали вооруженные головорезы, действовавшие на территории Палестины во времена

английского мандата в составе банд «Хаганы», отрядов «Пальмаха», банды Штерна, «Иргун цвей леуме». На их счету сотни и сотни диверсионных и террористических актов, а на руках кровь тысяч и тысяч жертв, имена которых неизвестны миру и вспоминаются разве что в кругу родных и близких, до сих пор оплакивающих безвозвратно ушедших. Оседлав едва ли не самую доходную эмоцию человека — страх, сионисты делали все возможное, чтобы навсегда посеять в душе арабского народа Палестины чувство страха даже перед мыслью о возвращении на родную землю.

Перед угрозой физического истребления, которому подверглось арабское население деревни Дейр Ясин, многие палестинцы были вынуждены бросать дом и имущество и искать спасение у своих братьев в соседних арабских странах. Еще до образования Израиля 250 тысяч палестинцев покинули землю Палестины, уходя в «добровольное» изгнание под грохот ночных взрывов, треск пулеметных очередей и победные крики сионистского воинства, ставшего лицемерно именоваться «армией обороны» Израиля. Но когда и от кого «обороняется» этот, как его называют сионистские пропагандисты и пособники, «маленький Давид»? На его счету уже пять агрессивных захватнических войн, включая последнее наглое вторжение в Ливан. Горе и страдание мирного арабского населения всюду, где ступала нога израильского «солдата-пахаря», который вместо хлебных злаков и виноградных лоз сеял ядовитые семена ненависти и смерти, рубил корни жизни арабского народа Палестины сионистским топором агрессии.

...К концу 1973 года восьмидесятилетний арабский историк Ареф аль-Ареф закончил 21 том своего «Дневника оккупации». По свидетельству французского журналиста, посетившего этого летописца израильских преступлений в его домике в Рамаллахе, свой «Дневник» аль-Ареф вел исключительно или почти исключительно на основе информации, публиковавшейся в израильской печати. Он владеет ивритом и читает израильскую прессу в оригинале. А это очень важно, ибо многое из того, что пишется на иврите, израильская цензура запрещает переводить на другие языки. Аль-Ареф собрал также громадное количество свидетельских показаний. Они дополняют «бухгалтерию», которую историк вел изо дня в день. В подтверждение он приводит имена, адреса, даты и фотографии. Здесь зафиксированы коллективные репрессии в отношении целых населенных пунктов, экономические санкции, полицейские меры (такие, как комендантский час, допросы, пытки), издевательства над личностью и достоинством палестинцев и многое другое. Историк не только фиксировал факты вопиющих преступлений, но и стремился ознакомить с ними широкую общественность. И тщетны были в таких случаях попытки израильских оккупационных властей опровергнуть сообщения этого свидетеля обвинения грядущего суда народов над

сионизмом. Хотя поднаторевшие во лжи сионистские пропагандисты, не жалея сил, отчаянно пытаются вывести из-под огня суровой критики преступный режим Тель-Авива, окончательно разоблачивший себя в глазах мировой общественности в ходе вторжения в Ливан в июне 1982 года.

Применительно к ливанским событиям в мировой прессе сейчас в ходу разного рода уже устоявшиеся сравнения. Сионистское вторжение в Ливан сравнивают с гитлеровскими «блицкригами» времен второй мировой войны, идеологию и политику сионизма — с нацизмом и фашизмом, Бегина и его клику — с гитлеровской шайкой маньяков и человеконенавистников. Словом, применяются все известные истории XX века определения крайних проявлений звериной сущности оголтелого расизма, составляющего альфу и омегу политической практики сионистского режима Израиля.

На долю палестинских бойцов выпали серьезные испытания мужества и стойкости с новыми претендентами на роль «сверхчеловеков», которые рассчитывали молниеносным ударом покончить с Палестинским движением сопротивления в Ливане. И палестинцы приняли свой священный бой против захватчиков в Бейруте. У палестинцев всюду был фронт. У них не было легких, потому что сионисты отняли землю и негде строить аэродромы. У них не было флота, ибо сионисты отняли у этого народа море и сушу — негде строить морские порты и судоверфи. У них не было военных заводов, производящих тяжелое вооружение и танки для борьбы с врагом.

Но все это было и есть у сионистских захватчиков, поработителей арабского народа Палестины. Бронированный кулак танковых колонн сионистов под прикрытием с моря и с воздуха по планам сионистских стратегов в генштабе Тель-Авива и Пентагоне должен был в считанные дни свинцовым смержем разметать лагерь палестинских беженцев в Ливане, раздавить Организацию освобождения Палестины, уничтожить палестинских лидеров.

Все подсчитали израильские генералы с помощью компьютеров и шпионажа, с помощью американского Центрального разведывательного управления. Забыли только, что на земле существует нечто такое, что нельзя уничтожить оружием или купить за золото. Это — мужество и стойкость народа, ведущего справедливую борьбу за свободу и независимость, за восстановление своих законных прав на отнятую у него землю отчизны.

Новейшим видам оружия — громадам танков в десятки тонн весом, тяжелым орудиям и ракетам, «Фантомам» палестинцы, ливанские патриоты и ограниченные сирийские воинские подразделения, находившиеся в то время в Бейруте, противопоставили негибаемое мужество, бесстрашие и стойкость.

«Если бы не авиация и танки, которыми в изобилии оснащен Израиль и которых мы не имеем совсем, сионисты вообще не осмелились бы дойти до Бейрута,— сказал один из палестинских командиров.— Миф о непобедимом израильском солдате развеян здесь, на подступах к ливанской столице. Мы своими глазами видели, как бегут, как зарываются в землю интервенты при первом ответном обстреле».

Только в 1964 году возникли первые отряды Палестинского движения сопротивления, но уже 21 марта 1968 года близ арабского селения Караме палестинские отряды в первом же серьезном сражении против сионистских агрессоров обратили в паническое бегство «сверхчеловеков» из Тель-Авива. Тогда, в 1968 году, и сейчас у палестинских бойцов было легкое стрелковое оружие да гранатометы. Помноженные на героизм и решимость палестинцев победить или умереть, они превратились в руках палестинских бойцов в оружие несгибаемой стойкости.

Впервые за двадцать лет существования Израиля и спустя менее года после июньской 1967 года агрессии израильский солдат изведal непреодолимоe сопротивление и, бросая амуницию, снаряжение и технику, кинулся наутек. Не помогли здесь ни угрозы офицеров, ни увещевания одетых в военную форму раввинов, выполняющих в вооруженных силах Израиля роль идеологических наставников.

Три танковые бригады, поддержанные авиацией, не смогли выполнить возложенную на них задачу — совершить по территории Иордании марш-бросок устрашения и были остановлены горсткой бойцов Палестинского движения сопротивления.

Долгожданная победа подняла дух арабского народа Палестины. Но она же вызвала и ответную реакцию сионизма. Тель-Авив и его генеральный штаб из всех возможных вариантов устранения «палестинского фактора» из реальностей Ближнего Востока избирают план уничтожения единственного законного представителя арабского народа Палестины — ООП, физическое истребление руководства этой организации и лидеров ПДС. Сионизм прибег к использованию коварного оружия, при помощи которого надеялся лишить палестинцев возможности продолжать борьбу, создать в местах временного проживания палестинцев атмосферу недовольства их присутствием. Одновременно с налетами на палестинские лагеря проводились артиллерийские обстрелы и рейды диверсантов в тот же самый Ливан. Бомбы и пули предназначались не только палестинцам. По замыслу израильской военщины, пострадать должны были и ливанцы, и иорданцы, и сирийцы. Стоявшие неподалеку от палестинских лагерей арабские населенные пункты умышленно подвергались жестокому разрушению. Арабам языком оружия как бы говорилось — все ваши беды от палестинцев. Изгоните их, заставьте согласиться на сионистские проекты пресловутой «автономии».

И смерть будет обходить вас стороной.

По классическим схемам колониальной политики, известным еще в Древнем Риме — разделяй и властвуй, — сионисты и их агентура усиленно раздували междоусобицу среди арабов, провоцировали между ними трения и противоречия, натравливая мусульман на христиан, правых на левых, шиитов на суннитов. Любыми путями они стремились подорвать арабское единство и лишить палестинцев общепалестинской поддержки. После Кэмп-Дэвида и оформления американо-израильского стратегического альянса Тель-Авив счел удобным разделаться с палестинцами коротким «блицкригом» с помощью ударной группы бронетанковых войск и морских судов.

Задуманная «прогулка» по Южному Ливану обернулась для Тель-Авива затяжной войной с тяжелыми потерями в технике и живой силе. На южноливанской земле был окончательно развеян раздутый до фантастических размеров мифический героизм и неустранимость израильского солдата из «богоизбранных». Перед миром предстал подлинный (не на картине и цветном фото) солдат «армии обороны» Израиля. Это мародер, насильник и... трус. Да, да! Тот самый «даян тип», разрекламированный рупорами западной и сионистской пропаганды, на деле оказался заурядным бандитом. И это было закономерно, как закономерны и многочисленные проявления героизма на опаленной войной ливанской земле. Но именно об этом меньше всего тогда писалось в буржуазной западной прессе. На страницах зарубежных газет, на экране телевизора старались изображать и показывать не сражающихся бойцов арабского сопротивления, а оказавшихся жертвой израильской военщины мирных граждан, не уничтоженную боевую технику интервентов, а искореженные бомбами легковые автомобили на улицах Бейрута и других ливанских городов, не мужественные лица защитников Западного Бейрута, а плачущие глаза детей и женщин. И как раз во имя того, чтобы никогда больше не плакали палестинские матери и жены, сестры и возлюбленные, вели неравный бой с врагами бойцы Палестинского движения сопротивления. В начале июля 1982 года в печати мелькнуло сообщение о подвиге палестинцев на подступах к городу Сайде. Во время осады израильцами лагеря Айн аль-Хильве близ этого ливанского города в расположение палестинских партизан прорвались израильские танки. Несколько палестинских юношей бросились на склад боеприпасов и взорвали его вместе с собой. Часть танков противника была уничтожена, а уцелевшие получили серьезные повреждения.

Во время боев у города Тир три палестинских партизана на захваченном вражеском бронетранспортере ворвались в расположение противника и подорвали крупный склад боеприпасов, заплатив за это собственной жизнью.

С Ближнего Востока больше двух месяцев шли сообщения о преступлениях израильской военщины, которая при поддержке и помощи американского империализма и международного сионизма развязала «грязную войну» на земле Ливана. Она велась с применением самых варварских средств физического истребления людей — шариковых и кассетных, фосфорных и вакуумных бомб, химического оружия, напалма, нервно-паралитического газа «BC».

Вооруженные до зубов захватчики часами, днями, неделями безуспешно пытались сломить героическое сопротивление палестинцев и ливанцев, взломать оборону палестинских отрядов сопротивления и ливанских национально-патриотических сил. Одиннадцать раз израильские генералы объявляли о прекращении огня и сами же начинали стрелять, когда успевали подбросить подкрепления и провести перегруппировку войск вторжения. Несмотря на то, что численность израильских захватчиков в Ливане в десять с лишним раз превышала численность отрядов ПДС и ливанских национально-патриотических сил, несмотря на громадную разницу в вооружении палестинских партизан и израильских войск, натужно буксовала военная машина сионистской агрессии, оказавшаяся не в состоянии сломить стойкость защитников Западного Бейрута. После десяти недель ужасающих по жестокости и изуверству израильских бомбардировок Западный Бейрут остался неприступен для агрессора. Сионистские захватчики так и не вступили в Западный Бейрут победителями. Защитники не вывесили белые флаги капитуляции.

Палестинские и ливанские патриоты были готовы сражаться до конца. Но сионистские варвары, пришедшие, казалось, в неистовство от оказываемого им сопротивления, буквально залили город кровью: 90 процентов жертв приходилось на мирных жителей; стало ясно, что израильские агрессоры не остановятся даже перед тем, чтобы стереть Западный Бейрут с лица земли.

Палестинцы вместе с ливанцами еще долго могли бы оборонять Бейрут, сражаясь за каждый дом, за каждую улицу, нанося врагу огромные потери. Но они решили уйти, чтобы спасти город и сотни тысяч его жителей от гибели. Они уходили из Западного Бейрута непобежденные, одержав самую крупную моральную и политическую победу над сионистами за все 17 лет существования ООП.

С уходом боевых отрядов из Бейрута в истории Палестинского движения сопротивления была перевернута еще одна страница. Начался новый этап. И, вероятно, не менее сложный и трудный, чем предыдущие 11 лет, в течение которых штаб-квартира Организации освобождения Палестины находилась в Бейруте.

Около половины из девяти тысяч палестинских бойцов, покинувших Бейрут, прибыли в Сирию, остальные группами от пятисот до полутора тысяч человек разъехались в семь арабских стран: Тунис,

Народную Демократическую Республику Йемен, Иорданию, Ирак, Северный Йемен, Судан, Алжир.

Продолжает действовать Национальный совет Палестины — своего рода палестинский парламент в изгнании. Совет насчитывает около трехсот депутатов от палестинских общин, разбросанных по многим странам мира. Как правило, раз в год депутаты Национального совета Палестины съезжаются в одну из столиц арабских стран, где обсуждаются наиболее важные вопросы движения. Исполком ООП, выполняющий функции руководящего органа, избирается сессией Национального совета Палестины.

Новые условия, сложившиеся после израильской агрессии в Ливане, неизбежно порождают и новые формы борьбы. Успех палестинцев состоит и в том, что под стенами Западного Бейрута была разбита вся военная стратегия сионистов, построенная на ведении «молниеносных» войн.

В военном отношении ООП и Израиль — величины просто несопоставимые. С одной стороны, полупартизанские отряды, вооруженные в основном автоматами и гранатометами. С другой — многотысячная группировка, имевшая сотни танков и тяжелых орудий, поддерживаемая авиацией и флотом.

Героическое сопротивление защитников Западного Бейрута обняло перед всем миром антиарабскую сущность политики США, активно поддерживающих кровавую политику геноцида, проводимую Израилем в отношении арабов. Многие из тех, кто вчера верил в созданную сионистской пропагандой легенду о «маленьком беззащитном Израиле», окруженном готовыми проглотить его «арабскими хищниками», сегодня увидели вдруг в геноциде палестинского народа волчий оскал зубов Тель-Авива. Они рассмотрели вдруг за спиной Бегина зловещую тень Пентагона, поставившего перманентную агрессию Израиля на службу своим стратегическим интересам. И все это оказалось настолько полито кровью, что от Израиля в ужасе отшатнулись даже его близкие друзья.

«Я не хочу и больше никогда не буду иметь никаких дел с таким Израилем, — заявил, например, австрийский канцлер Бруно Крайский в интервью западногерманскому журналу «Штерн». — Весь мир содрогается от одной мысли, к чему может привести сумасшествие израильских лидеров, которые опираются только на силу оружия. В Ливане совершены чудовищные преступления, каждый, кто даже молчит об этом, несет долю вины».

С резкой критикой в адрес Израиля выступили также премьер-министр Греции Папандреу, президент Франции Франсуа Миттеран, политические и государственные деятели многих стран.

В связи с резней, устроенной сионистами в Западном Бейруте, вынуждены были выступить даже те, кто ранее избегал критических

высказываний в адрес тель-авивских преступников. Достаточно резко прозвучало, например, заявление правительства Италии, где говорилось, что в связи с драматическими сообщениями, поступающими из ливанской столицы, итальянское правительство выражает самое решительное и гневное осуждение кровавых акций, совершенных или же дозволенных израильской армией, а также трагических массовых убийств палестинских беженцев и мирного населения Бейрута.

Корреспондент французского телевидения «ТФ-1» справедливо отметил, что правительство Бегина оказалось на скамье подсудимых.

Однако сказанное не отражает всей правды. Происшедшая переоценка ценностей выявила, что мировое общественное мнение начало осознавать подлинный характер сионизма и его целей. Никогда раньше не обнажался с такой ясностью его человеконенавистнический лик.

ИХ СЕРДЦА В ЗЕМЛЕ ПАЛЕСТИНЫ

Враги палестинцев утверждают, что, во-первых, нет никакой палестинской проблемы, ибо палестинского народа как такового не существует, что, во-вторых, палестинские партизаны только называют себя борцами, а являются на самом деле «террористами».

Простые человеческие документы, письма, дневники, оставленные теми, кто с оружием в руках вступил в бой с захватчиками и погиб в неравной схватке, опровергают лживые выдумки о палестинцах, распространяемые империалистами и сионистами по всему миру при помощи современных средств массовой информации.

«Я хотела бы любить и быть любимой, как все девушки. Любовь — это, по-моему, счастье, душевный покой и уверенность в будущем. Но разве я имею право на личное счастье, могу быть спокойной и уверенной в будущем, если родину мою оккупирует чужеземный агрессор?» — так писала в дневнике юная партизанка Далаль Магрили, когда готовилась совершить подвиг, о котором мечтает любой палестинский борец: умереть на земле Палестины, сражаясь на ней с оружием в руках.

— Соппротивление оккупантам оказывает весь палестинский народ, — говорит палестинская журналистка Моруа Дахер. — Среди нас не нашлось изменников. Все палестинцы единодушно отвергают любые предательские соглашения типа кэмп-дэвидского, лишающие наш народ самого права бороться за отнятую у нас родину.

Особую роль в сражении за право палестинцев на жизнь играют женщины. На их хрупкие плечи легла большая тяжесть политической борьбы на оккупированных территориях. Сионисты не знают пощады для тех, кто протестует против израильской оккупации. Мужчина, если он участвует даже в мирной демонстрации, рискует жизнью. Если

он не погибнет в лапах палачей-садистов, он вернется домой из сионистских застенков инвалидом. Поэтому в демонстрациях, забастовках, голодовках протеста против оккупации, против пыток и издевательства над заключенными, против конфискации земель у арабов и создания новых поселений колонизаторов, против «сионизации» городов и районов, против всего, что несет режим израильской оккупации, участвуют главным образом женщины и дети. Сейчас и для их разгона применяют пули и танки.

Это случилось в Дженине. 16 ноября 1974 года жители этого города по призыву Организации освобождения Палестины вышли на улицы. В первых рядах мирной демонстрации шла пятнадцатилетняя школьница Мунтаха Хурани. Когда на колонну двинулись танки, Мунтаха бросилась навстречу им с разведенными в стороны руками, словно пытаясь оградить шедших сзади палестинских матерей и детей. Танки не остановились. Под их гусеницами погибла девушка.

Фатми Бернауди в 1967 году вскоре после июньской войны была схвачена «за связь с партизанами». Приговорена к пожизненному заключению.

В 1970 году простая неграмотная крестьянка из Газы по имени Мариам шла с тестом печь хлеб в общинной печи. По дороге увидела, как несколько полицейских избивают группу женщин, не дававших разрушить дом одной арабской семьи. Когда дубинки полицейских обрушились на голову десятилетней девочки, Мариам не выдержала. Она бросила свое тесто, подбежала к особо усердствовавшему палачу и вцепилась ему в горло. Спину ей буквально изрешетили пулями. И уже мертвую объявили «партизанкой», вернее, «террористкой», как принято называть партизан-палестинцев у сионистов.

Абаллу Тага Адаму за участие 4 сентября 1968 года в демонстрации в Иерусалиме бросили беременную в камеру к израильским проституткам. Те растоптали, убили ребенка в ее чреве.

27 ноября 1978 года XX сессия ЮНЕСКО, состоявшаяся в Париже, в который раз осудила политику Израиля в области образования и культуры на оккупированных арабских землях. Оккупанты вычеркнули из учебников для арабских школ всякое упоминание о палестинском арабском народе, об арабской истории и культуре Палестины. Но в каждой палестинской семье мать воспитывает у детей патриотизм, национальное самосознание, готовность отдать жизнь борьбе против узурпаторов, против оккупантов, за народ.

Матери не оплакивают детей, погибших в неравной борьбе. Их одевают, как женихов, и провожают в последний путь свадебными песнями: «Бойцы не пали,— говорят матери героев-федаинов,— они обручились с родной палестинской землей. Похороненный в родной земле, будет ее охранять».

Оккупанты ввели бесчеловечную систему наказания семей погибших бойцов сопротивления. Если родные признают в мертвом партизане своего близкого и захотят похоронить его, им отдадут его тело, но... Но за это их дом будет разрушен.

В деревне Шувейка, близ города Тулькарм, жила крестьянка, вдова, единственным ее достоянием был дом. Свое жилище она строила всю жизнь. В деревню оккупанты доставили на опознание погибшего в стычке с солдатами израильской армии федаина. В нем она узнала пасынка, сына ее покойного мужа. Она потребовала тело юноши, чтобы похоронить его.

— Зачем мне дом,— сказала она оккупантам,— если я не смогу проводить, как жениха, этого парня. Никого из родных у него нет.

Дом ее был взорван. Она сама пошла по миру... Весь Наблус знал и любил Шадию Абу-Газала. Девочка, школьница, она была подлинным организатором и вожакom для всех жителей. Она провела и возглавила несколько массовых демонстраций против бесчинств оккупантов, окончательно обнаглевших после июньской агрессии 1967 года. В свои пятнадцать лет, по молодости еще не состоя ни в одной организации ООП, Шадиа была самым пылким и доходчивым пропагандистом идей Палестинского сопротивления.

В 1969 году сионисты застрелили ее при разгоне демонстрации. Именем Шадиа Абу-Газала назван партизанский лагерь. Многим операциям федаинов присваивалось имя этой девушки.

В Наблусе жила и боролась за счастье своего народа и школьница Лина Набулси. Оккупанты люто ненавидели девочку. Однажды она возвращалась вечером из школы с подругой. За ними увязались два израильских полицейских. Девочки не почувствовали опасности и не обратили внимания на преследователей. Они шли по узеньким кривым переулочкам, карабкавшимся ступенями в гору.

В одном таком глухом переулке полицейские окликнули для верности, чтобы не ошибиться:

— Лина!

Набулси обернулась. Несколько выстрелов оборвали ее жизнь. Убийц так и не нашли. Ей было тогда, 15 мая 1976 года, неполных семнадцать лет.

Три дня весь город был погружен в траур, вся жизнь в нем была парализована. На километры растянулась тогда похоронная процессия. В ней приняли участие все арабы Наблуса, способные ходить.

Несмотря на запрет оккупантов, на ее могиле каждый день появляются живые цветы.

Молодая учительница палестинка Лютфия Ибрагим многое могла бы рассказать о том, почему ее имя попало в картотеку израильской контрразведки и службы безопасности «Шин бет». Среди ее учеников были дети, чьи родители были расстреляны или брошены в тюрьмы. Каждый день она слышала о новых арестах среди палестинцев всех возрастов, начиная от маленьких детей и кончая глубокими старцами. Видела, как взрывают дома ее соседей и друзей. Лютфия собирала средства для помощи беженцам и политзаключенным, участвовала в протестах от имени комитета защиты политзаключенных. Ее другом и женихом был активист Палестинского сопротивления Ахмед аль-

Хаввари. В тот день, когда арестовали Ахмеда, Лютфия, как обычно, вела урок в школе. Ее подруга, приоткрыв дверь, вызвала учительницу из класса и сообщила страшную новость. Вскоре арестовали и Лютфию.

На одном из очередных допросов израильский офицер предложил Лютфии добровольно уехать с Западного берега Иордана.

— Верните мне Ахмеда! — потребовала Лютфия.

Тогда ее попытались силой заставить подписать документ об отъезде. Когда и это не получилось, израильтяне решили, что перед ними опытная подпольщица-революционерка. Их привели в камеру пыток вместе: ее и Ахмеда. И пытали поочередно, надеясь, что кто-нибудь не выдержит. Хотели узнать, по чьему заданию Ахмед приехал на Западный берег Иордана. Требовали явочные адреса, списки товарищей.

Потом терзали девушку.

— Ты тоже террористка? Как называется твоя организация?

— Лютфия, — сказала она, теряя сознание.

— Это название организации? — спросил офицер, когда девушку привели в чувство.

— Да! — ответила она решительно.

Офицер на минуту задумался. Израильской разведке ничего не было известно о существовании организации сопротивления с таким названием. Что ж, если он напал на след, начальство должно по достоинству оценить его заслуги.

— И ты можешь назвать членов этой организации? — подался он вперед.

— В ней состою только я, — ответила девушка.

Только тут до офицера дошло, что допрашиваемую девушку зовут Лютфия. Значит, его снова водили за нос. И он так легко попался. После страшных пыток Лютфия попала в больницу. Оттуда ее выпустили затем только, чтобы собрать необходимые для судилища «улики».

— Через три месяца после того, как я вышла из больницы, наш дом окружили израильские солдаты, — рассказывала Лютфия. — Нам предложили выйти и предъявили ордер на обыск. Я знала, что в доме нет оружия. Но все же потребовала своего присутствия при обыске, заявив, что солдаты могут обокрасть дом под видом обыска. Своими глазами я видела, как офицер подсунил в ящик моего шкафа взрыватель. Но доказать этого я не могла. Я была одна. Солдаты сделали вид, что нашли в моей комнате оружие. Провокация послужила основанием для моего нового ареста и суда.

Ее тело до сих пор хранит на себе следы тех зверских пыток, которые пришлось перенести на допросах. Когда провинциальные палачи не смогли справиться с задачей, девушку перевели в центральную тюрьму. Там за дело взялись специалисты поопытней. После нескольких «сеансов» ей растянули позвоночник. Парализованную девушку вынуждены были уложить в тюремную больницу.

Палачи пытались скрыть следы своего преступления. Но это оказалось невозможным. Израильская коммунистка Фелиция Лангер, выступившая в качестве адвоката на суде, приговорившем Лютфию к десяти годам заключения, рассказала на страницах газеты «Аль-Иттихад» о пытках, которым подвергалась палестинская патриотка. Она потребовала, чтобы врачам-палестинцам Антону Тарази, Ибрагиму Тлилю и Амину аль-Хатибу разрешили вместе с представителями Международного Красного Креста посетить Лютфию. Эта представительная комиссия засвидетельствовала факт пыток. Антон Тарази официально потребовал от израильских властей, чтобы Лютфию перевели для лечения в его иерусалимскую больницу. Но израильские власти боялись выпустить Лютфию и, подлечив немного, снова бросили в камеру.

15 декабря 1974 года закончился срок заключения Ахмеда. Однако на свободу его не выпустили. Снова и снова вызывали к тюремному начальству, требовали подписать документы о добровольном выезде с родины. Он категорически отказался и требовал, чтобы вместе с ним освободили Лютфию, здоровье которой резко ухудшилось. Компартия Израиля обратилась с призывом к мировому общественному мнению.

5 февраля 1975 года Ахмеда и Лютфию захихнули в военную машину и, подвезя к мосту Алленби, приказали идти на ту сторону.

— Нам заявили, что расстреляют на месте, если мы попробуем возвратиться назад,— вспоминает Ахмед.

Медовый месяц Лютфии и Ахмеда прошел в лагерях палестинских беженцев. Они выступали на митингах, рассказывали людям о положении на оккупированных территориях. Они начали писать книгу о том, что им довелось пережить и увидеть в израильских застенках. Лютфии требовалось серьезное лечение. Однако прежде чем начать это лечение, она поехала в Женеву; там в Комиссии по правам человека, созданной Организацией Объединенных Наций, она потребовала создать авторитетную комиссию для расследования положения политзаключенных в израильских тюрьмах. Сионисты думали, что, изгнав Лютфию и Ахмеда с родины, они покончили с «неприятной проблемой». Но вскоре заключенные той тюрьмы, где она раньше находилась, объявили бойкот администрации. Стены тюрьмы содрогались от дружного скандирования: «Лют-фия!», «Лют-фия!» Это имя было написано на плакатах демонстрантов, вышедших на улицы Иерусалима и Рамаллаха. Его повторяли рабочие, останавливая станки...

Так израильцы узнали, что организация «Лютфия», оказывается, действует...

ОТ «НАРОДА ДЕИР ЯСИНА» К «НАРОДУ КАРАМЕ»

Героическая оборона Западного Бейрута показала, что ушло безвозвратно время, когда сионистские террористы и насильники могли безнаказанно убивать палестинцев, издеваться над ними

и помыкать. За десятилетия, прошедшие после зверств «Иргун цвей леуме» в Дейр Ясине, выросло новое поколение палестинцев. Многие из них родились в изгнании, никогда не видели родной земли, но свято берегли память о ней. Во многих семьях палестинцев, обосновавшихся в лагерях беженцев, разбросанных по разным уголкам арабского мира от Атлантического океана до побережья Персидского залива, заботливо хранят ключи от родного отчего дома. Спустя тридцать пять лет эти старые ключи все еще висят на стенах хижин и палаток, где живут палестинцы. Ключ стал для них символом борьбы за восстановление своих законных прав, за возвращение на родину.

«Палестинцы будут жить до тех пор, пока они не забыли, что они есть народ», — писал известный палестинский писатель и публицист Гассан Канафани незадолго до своей гибели от руки сионистских террористов. «Наша задача, — писал он далее, — сохранить культуру и традиции народа Палестины, воспитать молодое поколение борцов за правое дело». Гассан Канафани пал жертвой израильских террористов в возрасте тридцати семи лет. За свою короткую жизнь он создал ряд ярких художественных произведений, в которых рассказал миру о трагедии своего народа и его непоколебимой воле к победе.

Он родился в 1936 году в палестинском городе Акра. Рос в лагерях палестинских беженцев в Ливане и Сирии. Новеллист, драматург, романист, критик, журналист. Канафани был активным деятелем Организации освобождения Палестины. В 1973 году в Бейруте сионисты подложили в его машину взрывчатку. В результате мощного взрыва погиб и сам писатель и его племянница.

«Его смерть была невосполнимой утратой для палестинской литературы. Для всей арабской культуры», — писала дамасская «Сирия таймс». Большинство произведений Канафани переведено на английский, французский, немецкий и другие языки.

Роман Гассана Канафани «Люди под солнцем», опубликованный в Бейруте в 1963 году, — это история трех палестинцев, принадлежащих к различным поколениям. Все они стали перед проблемой, как добыть себе средства на жизнь. С этой целью герои романа нелегально проникают в Кувейт, мечтая разбогатеть в этой стране нефти и золота. Старик Абу Хуаз грезит о доме за пределами лагеря. Асаду мерещится освобождение от беспросветной нужды. Молодой человек по имени Марван надеется избавить от голода свою семью. Не имея документов, они вознамерились пересечь границу, спрятавшись в цистерне старого бензовоза. Но, когда бензовоз достиг границы, все трое умерли, задохнувшись в цистерне...

Роман «Люди под солнцем» — подлинный крик души писателя о трагедии своего народа. Эта небольшая по объему вещь принадлежит к числу художественных произведений, в которых отразилась воля палестинского народа к действию, еще не обретшая форм борьбы. Автору удалось отразить в этом произведении переходный период

жизни палестинцев, кончившийся с началом войны в июне 1967 года.

«Что тебе остается?» — так назывался второй роман Канафани. В романе пять действующих лиц: Хамед, Закария, Мириам, а также... пустыня и часы.

Образы Хамеда, Закарии и Мириам очень разные. Закария — предатель. Его деверя Хамеда отличает огромное стремление к матери-земле, от которой его отделяет пустыня. Но это не та пустыня, которая описана в романе «Люди под солнцем». Там она была географическим, пространственным понятием и вела героев от бедности к смерти. Здесь это мост, ведущий к внутреннему раскрепощению. Герои книги «Люди под солнцем» умерли, стремясь уйти от своего врага. Во втором романе Канафани герои иные. Они знают, кто их враг, встают против него и побеждают. Хамед убивает израильянина, а Мириам — Закарию...

Последней работой, опубликованной при жизни Гассана Канафани, была новелла «Возвращение в Хайфу». Она рассказывает о трагедии палестинского народа и была написана вскоре после июньской агрессии 1967 года.

Почти одновременно с Канафани был убит в Риме В. Зуэйтер, арабский дипломат, активно занимавшийся палестинскими делами.

В 1973 году в Париже агентами израильских спецслужб убит Махмуд Хамшари, представитель ООП. А в Бейруте сионистские налетчики тоже усиленно охотились за видными деятелями Палестинского движения сопротивления. Террористы по-пиратски ночью врываются в их дома, расстреливали целыми семьями, не щадя детей. Так были убиты Камаль Насер и его товарищи — видные представители ПДС.

В длинном списке жертв сионистского террора значатся бывший представитель ООП, директор книжного магазина Махмуд Салех (Париж, 1977 год), представитель ООП Саид Хамами (Лондон, 1978 год), представитель ООП Али Ясин (Кувейт, июнь 1978 года), представитель ООП Изэддин Калак и его заместитель Хамад Аднан (июль 1978 года), видный деятель ПДС Али Салаяма (Бейрут, 1979 год), активисты ООП Абу-Сафуат и Самир Тук (Кипр, 1979 год), руководитель палестинской организации «Ас Саика» Зухейр Мохсен (Канн, Франция, июль 1979 года). В Бельгии погиб представитель ООП Наим Хадар (июнь 1981 года). Летом 1982 года в Париже был убит заместитель представителя ООП.

За последние годы было убито 26 видных политических деятелей Палестинского движения сопротивления, трое были тяжело ранены, а двое чудом избежали смерти.

Голда Меир в свое время сказала: «Жизнь арабского деятеля должна стать настолько опасной, чтобы в конечном счете никто не решился занимать эти посты». Как видим, ставка сделана на окровавленный шантаж палестинцев, на страх перед смертью.

Однако ничто не смогло приостановить политическую активность Организации освобождения Палестины. На место погибших вставали новые бойцы, они продолжали правое дело своих товарищей.

Стремясь сломить волю палестинцев к сопротивлению, сионистские правители Израиля проводят политику жестокого террора и угнетения на оккупированных арабских территориях Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Массовыми забастовками и демонстрациями палестинский народ отвечает на усиление репрессий, продолжает широко поддерживать своего законного представителя — Организацию освобождения Палестины. За это тысячи палестинцев брошены в израильские застенки, подвергнуты истязаниям и пыткам.

Летом 1980 года достоянием печати стал человеческий документ необычайной обличительной силы. Орган ЦК Компартии Израиля газета «Аль-Иттихад» опубликовала письмо палестинцев, заключенных в одном из израильских лагерей ан-Нафха. В нем — свидетельства того, как попирают права человека агрессивные сионистские круги Израиля. Содержание этого потрясающего документа не требует никаких комментариев. Достаточно лишь ознакомиться с его текстом. Вот он:

ОБРАЩЕНИЕ К НАШИМ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ, КО ВСЕМ ЛЮДЯМ, К КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ!

Родина, наша земля, наш народ на оккупированной родине! Человек, где бы ты ни был! Это действительно наш «SOS»! Спасите наши души! Нас убивают преднамеренно, планомерно и беспрепятственно, в соответствии с так называемым законом. Таково без преувеличения наше положение. В течение тринадцати лет нас подвергают мучениям, отнимая каждодневно частицу нашего здоровья. Мы ни перед кем не виновны, разве только перед вами, наши родные. И вот за связь с вами мы расплачиваемся уже тринадцать лет и просим, просим, просим улучшить условия нашего содержания, просим, чтобы с нами обращались так же, как обращаются с любым заключенным, независимо от того, в чем его обвиняют. Однако до сих пор мы не добились осуществления этого нормального требования ни в одном из мест заключения, находящихся в ведении органов безопасности Израиля, хотя управляющий тюрьмами Хаим Леви заявил в начале этого года, что положение в местах, где находятся заключенные-евреи, не только катастрофично, но и трагично. Если мы требуем уравнивать условия нашего содержания с теми, которые сам управляющий тюрьмами характеризует как катастрофические и трагичные, то какими же являются наши условия?

Разъясним нашу просьбу. Однажды один из наших товарищей встретился с генералом Хаимом Леви и попросил его, чтобы нам были предоставлены условия, равные с теми, в которых содержатся заключенные-евреи. Тот сказал в ответ: «Мы не дадим вам таких же условий. Это же наши». Рассказанное случилось в 1977 году, за три года от открытия лагеря ан-Нафха, пользующегося столь страшной и мрачной репутацией. Нас привезли в этот лагерь 2 мая 1980 года,

и мы увидели, что в двух тюремных зданиях камеры спроектированы таким образом, чтобы убивать людей морально и физически. С первого взгляда становится ясным подлинное намерение тех, кто строил этот лагерь, являющийся собой образец того, как обращаются с палестинцами в заключении. Кто может поверить, что мы, находясь в центре пустыни, вдалеке от какого-либо жилья, не имеем достаточно воздуха, чтобы дышать, потому что воздух, попадающий в камеру, не может выходить из нее! В камере, где находятся восемь — десять палестинцев, нет окон. Они заменены шестью маленькими отверстиями, общая площадь которых не превышает пятидесяти квадратных сантиметров. Кроме того, они расположены под самым потолком. Таким образом, мы ничего не можем сквозь них видеть, они не дают естественного освещения. Дверь камеры железная, сплошная. В ней есть глазок размером двадцать сантиметров на двадцать, который бывает открытым лишь днем, а на ночь плотно закрывается. Даже в самую страшную жару, когда атмосфера в камере делается невыносимой и она превращается в раскаленную печь, это маленькое отверстие не открывают под предлогом... безопасности!

Все это мы рассказываем для того, чтобы вы знали, что здесь происходит. Мы спрашиваем: существует ли где-нибудь на свете подобная вентиляция в камерах, где подавляющее большинство заключенных — почти девяносто процентов — осуждены пожизненно? Двери из железа, камеры без окон, ужасающая скученность, самое бесчеловечное обращение...

Мы хотим воздуха, мы хотим дышать, мы хотим видеть песок пустыни Негев, хотя бы почувствовать запах ее бурь! Этот лагерь построен специально для нас, и мы хотим привести несколько примеров, чтобы дать представление о той ненависти, которую к нам питают наши тюремщики.

1. Администрация разговаривает с нами языком начальника тюрьмы, который хвастливо заявляет: «Вы будете иметь максимум притеснений и минимум человеческих условий. Таков приказ, а я военный, выполняющий приказы».

2. У нас побывал бригадный генерал доктор Кохен, начальник медико-санитарного отдела тюремного управления. С ним состоялся следующий разговор:

— Доктор Кохен, у нас дверь не из металлических прутков, которые позволяют воздуху циркулировать в камере, а цельнометаллическая. Глазок на ночь закрывают совсем. Еда — в этой же камере на полу, где нет ни кусочка клеенки. Тринадцать лет спим на полу, болезни не проходят, они стали хроническими, пища самая никудашная, короче говоря, условия самые бесчеловечные. Как вы, глава медицинской службы, позволяете это?

— Условия содержания определяются «наверху».

— Хотелось бы, чтобы вы попробовали содержать восемь—десять коров на такой же крошечной площади и с таким количеством

воздуха. Послушайте, доктор, обеспечьте нам условия, в которых находятся животные на фермах в кибуцах.

Хохен не ответил и ушел.

3. Однажды лагерь посетила большая делегация от кнессета. Во время происшедшего разговора начальник тюрьмы называл нас не иначе, как «собаки». А когда перед делегацией предстали во всей своей бесчеловечности условия нашего содержания, цель которых убить человека, он сказал: «Пусть держатся!»

Когда мы протестовали против этих бесчеловечных варварских условий в лагере и требовали, чтобы нам были обеспечены равные с заключенными-евреями условия обращения, освещения, проветривания камер, свидания с семьями, питания и так далее, члены делегации нам злобно ответили: «Об этих условиях надо было думать до того, как вы вошли сюда».

Родные наши, наш народ, страдающий под игом оккупации, прогрессивные люди мира, где бы вы ни были! Намерением тех, кто построил этот лагерь и создал в нем такие условия, было наше физическое уничтожение.

После страданий, которые нам пришлось испытать в различных местах заключения с 1967 года, ан-Нафха стал нашим местом пребывания, нашей братской могилой, без дневного света, без возможности видеть хоть что-нибудь. Кто поверит, что правила требуют, чтобы каждого из нас, направляющегося в дирекцию лагеря, заковывали в железо и надевали на глаза повязку? Это дышащий злобой заговор против человека, новый способ убийства. Но мы не можем просто так отдать наши жизни и судьбы в руки палачей.

После того, как мы безрезультатно испробовали все пути и средства сами и через международную комиссию, требуя равноправия с заключенными-евреями, мы решили умереть стоя, а не пасть на колени. В этих условиях мы решили объявить голодовку.

Вы получите это послание, когда мы уже начнем голодовку. нас меньше сотни. Мы малочисленны, но мы решили прибегнуть и к этому средству. Это — наше последнее оружие, после того как оказались безрезультатными легальные методы обращения к администрации, в том числе и через единственную международную комиссию, посетившую лагерь. Что бы ни случилось, мы готовы с достоинством встретить свою судьбу. Зная, как далеко мы находимся, и зная способность наших врагов лгать и клеветать на нас, мы передаем вам это послание как документ, в котором дается представление о нашем подлинном положении. Мы рассчитываем на вашу поддержку. Если мы останемся в этой могиле в глубине пустыни, то мы говорим: «Да — мукам голода! Нет — капитуляции!»

Наше здоровье совершенно подорвано еще до голодовки. И все-таки мы заявляем, что готовы отдать сколько угодно нашей плоти и крови, которых у нас осталось не так уж много после

тринадцати лет жестоких условий заключения, взамен хотя бы небольшого количества воздуха и дневного света.

Мы вновь закликаем вас — спасите наши души! Мы требуем одного — равенства в условиях содержания с заключенными-евреями и просим поддержки наших основных прав.

Горячо приветствуем вас. Революция до победы!

Заключенные-палестинцы.

Концлагерь ан-Нафха.

* * *

...Его настоящее имя не Мунир. Хотя сейчас этот уроженец Палестины живет в Соединенных Штатах Америки, он по-прежнему опасается мести израильских спецслужб. Мунир родился и вырос на Западном берегу реки Иордан, оккупированном Израилем. По окончании университета в Ливане преподавал в начальной и средней школах. В конце 1970-х работал в Палестинском университете в городе Бир-Зейт неподалеку от Иерусалима.

«Бир-Зейт всегда был оплотом сопротивления оккупационной израильской политике,— говорит Мунир.— Где бы ни происходили демонстрации, студенты университета никогда не оставались в стороне».

В последнее время израильские власти все более бесцеремонно вмешиваются в дела университета в Бир-Зейте. Так, они закрыли его накануне дней палестинской культуры — празднования, по традиции сопровождающегося народными танцами, книжными выставками и театральными представлениями. В ходе выступлений студентов, протестовавших против запрета таких празднеств, израильские оккупационные войска застрелили двенадцать палестинских студентов.

Еще летом 1981 года израильские власти наложили жесткие ограничения на деятельность арабских университетов на Западном берегу реки Иордан. С тех пор каждое назначение в них должно быть санкционировано военной администрацией. Более того, любой преподаватель, когда-либо задержанный или подвергнутый допросу оккупационными властями, может быть уволен даже без предъявления формального обвинения.

По этому закону палестинцам из сектора Газа и всем проживающим на Западном берегу Иордана запрещено поступать в университеты.

«Учебные программы подлежат цензуре израильских властей,— говорит Мунир.— Университет Бир-Зейт — национальное палестинское учебное заведение. Закон направлен на то, чтобы не допустить объединения палестинцев из сектора Газа и с Западным берега, воспрепятствовать созданию единой палестинской общины.

Однако этот бесчеловечный закон не в состоянии нарушить единство палестинцев».

Репрессии в Бир-Зейте — лишь один из примеров попрания израильскими оккупационными властями законных прав палестинцев.

В 1975 году ректор университета вместе с другими видными представителями палестинской общины Западного берега был выслан с родной земли. Им приписали подстрекательство студентов к неповиновению оккупационным властям. Израильская военная администрация широко использует такое варварское оружие давления, как депортация, и палестинцы живут в постоянном страхе быть изгнанными. Ссылка на чужбину — самое страшное испытание для палестинцев. Такая участь выпала на долю многих, среди них мэры городов, профсоюзные активисты, учителя, представители духовенства, врачи, инженеры и другие.

Попытки Тель-Авива ввести так называемую «гражданскую администрацию» в университете Бир-Зейт (главный центр высшего образования на территории Западного берега реки Иордан. Университет был закрыт израильскими властями с 4 ноября 1981 года по 4 января 1982 года в ответ на студенческие демонстрации протеста против новой израильской гражданской администрации.— *Ред.*) вызвали новую вспышку студенческих волнений в этом учебном заведении. Для подавления их израильские власти бросили армейские подразделения, которые полностью блокировали университет. Произведены аресты среди студентов-палестинцев.

Этот акт произвола вызвал возмущение учащейся молодежи всего оккупированного Израилем Западного берега. Демонстрации протеста охватили учебные заведения этого района. Их участники потребовали от израильских оккупационных властей снять блокаду университета Бир-Зейт и освободить арестованных студентов. В ответ Тель-Авив объявил о закрытии университета и на этот раз снова на 2 месяца. В Бир-Зейте, Рамаллахе, Дженине и Эль-Халиле между демонстрантами и израильской полицией произошли столкновения, было арестовано около 50 палестинских юношей и девушек (по данным, которые сообщил представителям прессы Исполком Организации освобождения Палестины, в настоящее время в израильских застенках томятся свыше 34 тысяч палестинцев, в том числе 1500 женщин, которых израильтяне подвергают пыткам и издевательствам.— *Ред.*).

Во многих населенных пунктах жизнь оказалась полностью парализованной. Не работали предприятия, учреждения, закрыли магазины, школы, колледжи. Вышедшие на улицу жители сливались в колонны, над которыми реяли палестинские флаги. Раздавались призывы в поддержку Организации освобождения Палестины, за создание независимого палестинского государства, против режима оккупации и навязываемых Тель-Авивом проектов так называемой

«административной автономии» и «гражданской администрации».

Как только новость о закрытии университета в Бир-Зейт дошла до палестинской молодежи, созданный активистами «комитет солидарности с университетом Бир-Зейт» решил провести в Рамаллахе демонстрацию протеста против мер израильских властей. Но все дороги в город были блокированы, и военные патрули возвращали демонстрантов обратно. Однако около двухсот из них, минуя заграждения, проникли в город. Перед полуднем напряжение в Рамаллахе достигло предела. Демонстранты заняли площадь Эль-Марна, прилегающие к ней переулки в ожидании условленного часа. Многие из них уже испытали на себе действие слезоточивого газа, применяемого израильскими солдатами. Ровно в полдень демонстранты, среди которых было много женщин, вышли на площадь, куда стали стекаться жители города.

Неподалеку, в нескольких десятках метров от демонстрантов, выстроились израильские солдаты, вооруженные автоматами, со щитами для защиты от камней. Военные грузовики перегородили все улицы, ведущие к площади.

Два лагеря стояли один против другого. С одной стороны женщины и мужчины без оружия, держащие в руках лозунги с требованием открыть университет Бир-Зейт, с другой — вооруженные солдаты, которые стали теснить демонстрантов и вырывать у них из рук транспаранты. Не прошло и нескольких минут, как низкорослый израильский капитан в очках закричал: «Пускайте газ! Газ!»

Солдаты набросились на участников демонстрации. Площадь заволочло коричневыми клубами дыма. Солдаты с шерстяными масками на лицах швыряли гранаты со слезоточивым газом. Среди солдат находился некий Игал Марокович из колониального поселения Кадомим. В одной руке он держал ружье для стрельбы газовыми снарядами, в другой — дубинку, которой он действовал направо и налево... Таков он, типичный представитель израильских «солдат-пахарей».

...Спротивляться на Западном берегу реки Иордан значит сопротивляться постоянно, ибо необходимо давать отпор постепенному изматыванию, попыткам взять измором. Остаться на своей земле, не выехать в арабские страны — это уже политическая демонстрация. А между тем работы нет, тысячи дипломированных специалистов не находят применения своим силам. Те, кто протестует, устраивает демонстрацию, попадают в тюрьму, согласно чрезвычайным законам периода британского мандата, все еще сохраняющим силу. Они позволяют бросить в тюрьму на неопределенное время любого человека под предлогом обеспечения безопасности. Однако с каким достоинством одна старушка, одетая в черное платье, обратилась к мэру Наблуса. Ее три сына в тюрьме. Она хочет, чтобы это было предано

огласке, чтобы международная общественность протестовала. Она знает, что ее дети — только трое среди десяти тысяч палестинских политзаключенных, которых гноят в израильских тюрьмах.

Когда его спрашивают о расследовании обстоятельств покушения, жертвой которого он стал, потеряв обе ноги, мэр Наблуса Басам Шаака пожимает плечами: «Расследование? Его не было. Они даже не выслушали показания моей жены и соседей. И не случайно. Они знают, кто совершил нападение. План нападения составлен в самом окружении правительства».

Такова «новая» политика Тель-Авива, представляющая почти незамаскированную форму аннексии. Но, чтобы сделать ее явной, необходимо сломить национальное сопротивление, уничтожить Организацию освобождения Палестины, найти каких-либо коллаборационистов во что бы то ни стало — репрессиями и пустыми обещаниями, пулями и слезоточивыми газами. Ее ужесточение — часть глобальных милитаристских приготовлений, какие осуществляют на Ближнем Востоке Соединенные Штаты Америки, одно из следствий американо-израильского соглашения о «стратегическом сотрудничестве».

Английская журналистка Грейс Халсепп, побывавшая в 1981 году на Западном берегу реки Иордан, на страницах лондонского журнала «Мидл Ист Интернэшнл» поделилась весьма любопытными наблюдениями. Из них явствует, что правители Израиля ничего не могут поделать, чтобы сломить национальное самосознание палестинцев, заставить их признать израильских пришельцев господами и хозяевами. Англичанка пишет, что ей встретила шестнадцатилетняя девушка по имени Нахла, высокая, стройная палестинка с темными большими глазами. Она выглядела пугливой, замкнутой, даже скрытной. В ней было что-то от покорности, порожденной сознанием необходимости жить на малюсеньком клочке земли, принадлежащем не ей, а власть имущим. Но это первое впечатление было ошибочным. Познакомившись с нею поближе, английская журналистка почувствовала внутреннюю силу этой девушки.

— Я палестинка, — сказала Нахла, — и я должна жить в Палестине. «До моего знакомства с Нахлой и другими палестинками-беженками, — пишет Грейс Халсепп, — я всегда думала, кто же они? Почему они живут в лагерях? Почему для них не строят дома? Как они оказались в таком положении?»

Израильяне уверяли англичанку в том, что одни палестинцы будто бы изгнаны из своих домов другими палестинцами, что якобы их лидеры держат свой народ в лагерях по политическим соображениям с целью снискать таким образом сочувствие мировой общественности.

Однако отец Нахлы Башир говорил журналистке другое:

— Разве мы оставили бы наши поля, сады миндаля и оливковые

рощи? Израильтяне силой заставили нас сделать это. Мы бежали под дулами автоматов, нас выгнали с нашей земли у себя на родине.

Баширу было семнадцать лет, когда его семья покинула свой дом в Лиде. Уже тридцать два года он живет изгнанником.

«Когда я впервые вступила в лагерь беженцев, расположенный на оккупированном Западном берегу реки Иордан, — пишет английская журналистка, — где вынуждена жить Нахла и ее семья, мне казалось, что я вхожу в гетто. Я шла по узкой тропинке вдоль открытой сточной канавы, мимо сотен одно- двухкомнатных домиков, заваливающихся и поддерживающих друг друга. Здесь не было улиц, тротуаров, садов, двориков, деревьев, цветов или магазинов. Кто-то сказал, что на каждого еврея, приехавшего в Израиль, приходится один изгнанный и лишенный крова палестинский араб.

Отец Нахлы Башир, ее мать Самита, брат Саид с женой, еще один брат Ахмед и я сидим в комнате — это и есть весь их дом. Сидя на цементном полу, скрестив ноги, Самита месила тесто, делая плоские круглые лепешки. В доме не было печи, и вместе с Нахлой мы отправились в маленькую пекарню. Она находилась в тесной темной комнатке с низким потолком. «Я работаю 14 часов в сутки, чтобы как-то прокормить семью, — рассказывает пекар Ибрагим. — Я теряю здоровье, а может быть, и рассудок от перенапряжения».

Один из учителей школы, где учится Нахла, палестинец, с дипломами двух университетов, рассказал, что на тридцать пять тысяч детей палестинских беженцев на Западном берегу реки Иордан имеется всего девяносто четыре школы. Он жаловался, что их самая серьезная проблема — переполненные классы. После оккупации в 1967 году израильские власти не разрешают построить ни одной школы. В качестве примера он указал на школу, где работает сам и где учится Нахла. Число учеников в ней удвоилось, а сейчас их более тысячи.

— Чего вам не хватает более всего? — задала я обычный вопрос.

— Свободы, — ответил он, — свободы. Мы изгнанники и живем под игом тиранов. Нас около трех миллионов, тех, кто оказался в изгнании в Иордании, Ливане, Сирии, в странах Персидского залива, небольшими группами по всему миру. Около половины палестинцев, находящихся за пределами Израиля, до сих пор считаются беженцами, а каждый пятый из них продолжает жить в лагерях.

Дальше учитель рассказал об участии Нахлы в организации антиизраильской демонстрации на школьном дворе. Это случилось после ареста израильтянами мэра Наблуса Басам Шакаа. Нахла и другие ученики вышли с плакатом «Мы палестинцы. Мы должны быть свободными!». Израильские солдаты ворвались на территорию школы и начали стрелять. Затем арестовали Нахлу и еще десять человек. Двое суток их держали в тюрьме.

Позже я спросила Нахлу, чувствовала ли она себя униженной, попав в тюрьму.

— Нет,— сказала она,— для нас это знак отличия борцов за свободу.

Едиственное украшение на стене комнаты, где происходит разговор,— рисунок с изображением оливкового дерева.

— Сила этой оливы,— говорит Нахла,— в длинных и крепких корнях. Зеленый цвет и оливковое дерево олицетворяют наше будущее. Наши корни здесь. Это наша родина».

В советском документальном фильме «Палестинцы: право на жизнь» операторы запечатлели палестинского художника Ибрагима Хасана Ганнама. Тридцать лет назад израильские солдаты изувечили его ноги. Потом паралич, шесть лет в госпитале ЮНЕСКО... И все-таки неподвижность. Но Ганнам не сдался. Он стал бороться за родину своим искусством. По памяти он пишет пейзажи Палестины, сцены из жизни своего народа. В меру сил способствует сохранению культурного наследия арабского народа Палестины, которое стремятся уничтожить, искоренить сионистские вандалы.

Культурная экспансия сионистов в Палестине началась не вчера. Археологические изыскания 20—30-х годов в значительной мере были подчинены сионистской идее создания еврейского «национального очага», ставили своей целью отождествление древних руин с городами, упомянутыми в библейском повествовании. В результате таких «исследований» многие уникальные произведения и памятники палестинского искусства попали в частные коллекции или исчезли бесследно.

Затем в период действия английского мандата на Палестину в двадцатые — сороковые годы сионистские террористические организации целенаправленно уничтожали представителей культуры и искусства арабского народа Палестины.

Так, от рук сионистов погибли талантливые палестинские художники Бейсал Тахур и Халиль Бердави, участвовавшие в арабском национально-освободительном движении и активно выступавшие против сионистской колонизации Палестины.

С образованием в мае 1948 года государства Израиль и оккупацией ряда арабских земель возможности геноцида в области арабской культуры и искусства значительно расширились и были приведены в строгое соответствие с главной целью израильских сионистов: ни в коем случае не допустить в Палестине создания арабского государства.

Так, в Иерусалиме, особенно в его древней арабской части, в настоящее время происходит то, что в документах Организации Объединенных Наций юридически сухо называется «изменением статуса» этого города. За такой формулировкой кроется настоящий геноцид по отношению к историческим памятникам, христианским

и мусульманским религиозным святыням. За время, прошедшее с момента оккупации в 1967 году, в арабской части Иерусалима были разрушены сотни мечетей, на месте которых развернулось современное строительство. Мечети сносились и взрывались.

Палестинские арабы никогда не смогут забыть преступлений сионистов: попытку сжечь гордость мусульманского мира — мечеть Аль-Акса в Иерусалиме и убийство в ней мусульман.

— Множество примеров подобных бесчинств может назвать каждый палестинец, — говорит палестинский журналист Омар Мухамед. — И судьба колыбели древнейших цивилизаций давно уже вызывает тревогу прогрессивной международной общественности.

Исторически на территории Палестины сложился один из важнейших и весьма своеобразных очагов мировой культуры: нигде больше не встретить, к примеру, такого сосредоточения и сосуществования самых разнообразных национально-временных стилей зодчества. Монастыри Палестины — настоящие хранилища древних уникальных рукописей и редчайших книг, храмовая утварь — ценнейшие собрания уникальнейших предметов декоративно-прикладного и ювелирного искусства.

Сионистские правящие круги исповедуют и культивируют расовую ненависть к иным народам и их культурам. Только в ядовитой атмосфере отрицания и неприятия других культур, нетерпимости к свидетельствам высокого уровня развития людей, которых сионисты относят поголовно к низшему сорту, мог быть совершен поджог мечети Аль-Акса в Иерусалиме. Фанатичный провокатор, пользуясь попустительством, точнее, подстрекательством израильских властей, поднял руку на уникальный памятник архитектуры XI века. В огне погиб изукрашенный драгоценными камнями мимбар (сооружение типа трибуны, откуда произносятся проповеди) легендарного Салахэддина. Его изготовление из ливанского кедра и эбенового дерева — без единого гвоздя — заняло у народных умельцев целых двадцать лет.

Один из крупнейших арабских архитекторов, Хусейн аш-Шафи, оценивая причиненный ущерб, говорил, что мастера XX века не могут, к сожалению, воссоздать реликвию в первоизданном виде. И это далеко не единственная невосполнимая потеря. С венца статуи «Скорбящей Богоматери» в храме на Голгофе похищен бриллиант. Палестинский музей в Иерусалиме лишился кумранских свитков. Снесены многие старинные мусульманские кварталы.

ЮНЕСКО выражает обоснованное беспокойство по поводу изменения культурного и исторического облика Иерусалима, опасаясь, что его может постичь горькая судьба Хайфы. Лишь старики да выцветшие от времени литографии и дагерротипы могут помочь составить представление о том, как выглядел этот один из древнейших городов Палестины, ведь гроздящиеся ныне там безликие не-

боскребы не расскажут о его истории ничего. И если древнюю Хайфу разрушали строительные спекулянты, то овеванные очарованием преданий и сказаний ливанские города Тир, Набатию и Сайду опалил, взорвал огненный смерч израильских бомб, ракет и снарядов. По пятам за стотысячным войском агрессора поспешали «археологи» из Тель-Авива. Они деловито рылись в окропленной кровью мирных жителей, еще дымящейся земле в поисках сокровищ. Как и гитлеровские разбойники, они увозили наворованное и отнятое с захваченной территории. Сотрудничество израильской солдатни и грабителей с учеными степенями было столь тесным, что похищенные ценности с ливанской земли вывозились даже не грузовиками, а танками — самым удобным и надежным для мародеров видом транспорта...

С 1970 года во многих районах восточного (арабского) Иерусалима начались интенсивные «археологические» раскопки. Сотни зданий, имеющих историческую и художественную ценность, были повреждены. ООН и многие другие международные организации, а также и национальные неоднократно обращались к правительству Израиля с требованием прекратить систематическое уничтожение мусульманских и христианских памятников.

Для точного определения ущерба, нанесенного сионистскими властями Израиля палестинскому культурному наследию, и масштабов разрушения памятников арабского искусства в рамках ЮНЕСКО создан специальный комитет по спасению культурного наследия арабского народа Палестины. Однако с самого начала его работа была заблокирована сионистами. А тем временем жестокому террору и преследованиям подвергаются арабские художники и другие представители творческой интеллигенции, проживающей на оккупированных территориях.

28 августа 1980 года израильская служба безопасности запретила проведение выставки палестинского художника Махаммеда Хаммуда в художественной галерее города Рамаллаха, а его работы «Солнце поднимается», «Два Орфея», «Афро-азиатская солидарность» и другие были конфискованы.

30 августа 1980 года служба безопасности в буквальном смысле этого слова разгромила выставку работ художника Сулеймана Мансура, а его самого арестовала.

31 августа того же года в Рамаллахе власти запретили проведение выставки пятнадцати палестинских художников на оккупированных территориях.

Руководство ООП рассматривает борьбу палестинцев за сохранение национального культурного наследия как важную составную часть общеполитической борьбы арабского народа Палестины.

Отпор в этих условиях наряду с мерами военного и политического характера, культура и искусство арабского народа Палестины во всем

их многообразия становятся одним из действенных факторов борьбы палестинского народа за создание собственного независимого государства.

Незадолго до вторжения Израиля в Ливан в одном из выставочных залов Бейрута состоялась выставка произведений палестинской художницы и скульптора Моны ас-Сауди. Она пользуется известностью и признанием как среди палестинцев, так и повсюду в арабском мире. Мона ас-Сауди ведет большую общественно-политическую работу, руководя сектором изобразительного искусства в отделе информации Организации освобождения Палестины.

Бейрутский еженедельник «Аль-Хавадис» особо подчеркнул, что выставка работ Моны представляет новый этап в развитии этой одаренной художницы, перешедшей от живописи к ваянию.

«Принято думать, — писал еженедельник, — что скульпторы не обрабатывают камень сами, а поручают эту работу ученикам и помощникам. Мона ас-Сауди, как правило, с начала и до конца работает над своими пластическими произведениями сама».

Мона ас-Сауди родилась в городе Аммане в 1945 году. Первая выставка ее работ состоялась в Бейруте, когда ей еще не исполнилось и восемнадцати лет. Затем она уехала в Париж, где училась в Высшей школе изящных искусств. Окончив ее, она получила диплом скульптора. С давних пор она была членом НФОП (Народный фронт освобождения Палестины), одной из палестинских организаций, входящих в ООП.

— Я не могу отнести себя к какой-либо определенной школе. Мое творчество — разновидность художественного символизма, — говорит ас-Сауди. — В моих скульптурах всегда сохранено человеческое, всегда присутствует обобщенный образ человека. Если посмотреть на любое из моих произведений, можно увидеть, что это и изображение человека, его духовной сущности. Мы говорим, что в искусстве форма неотделима от содержания, а в человеке духовное неотделимо от телесного.

В Париже я открыла для себя восточное искусство — древнеегипетское, шумерское, ханаанское, которое и послужило источником вдохновения. Я поняла, что нашла себя, нашла свой стиль, в котором преломляются традиции искусства древних цивилизаций и тенденции современного ваяния. Прошлое плюс сегодняшний день плюс мое субъективное восприятие — вот составные части моего искусства.

На вопрос журналиста о ее политической активности Мона ас-Сауди отвечает:

— В свое время я больше была известна как боец, а не как художница. Как я уже говорила, раньше я была членом НФОП, теперь состою в ФАТХ (Движение палестинского национального освобождения), ведущей организации ООП. Ныне заведу сектором изобразительного искусства в отделе объединенной информации ООП.

У меня нет ни расовой предубежденности, ни религиозного фанатизма. Как художница, представительница арабской нации, как прогрессивный человек, я верю в единство человечества и отвергаю идею превосходства одного народа над другим или одной религии над другой.

Я не подхожу к человеку с той точки зрения, мусульманин ли он, христианин или иудей, и четко вижу разницу между сионизмом как колониалистской идеологией и евреями. У меня много друзей евреев, прогрессивных людей, поддерживающих дело палестинцев и борющихся за него.

Вы не слышали о таком важном культурном событии, как поступок еврейского художника Игала Тамаркана, воздвигшего в городе Хальхуле на Западном берегу реки Иордан монумент, который представляет собой несколько переплетенных колосьев? Двести израильских интеллигентов приехали из разных районов Израиля на открытие этого монумента, названного «Против оккупации».

Журналист ставит еще один вопрос:

— Таким образом, вы поддерживаете идею создания демократического палестинского государства?

— А разве возможно другое решение? Это государство должно послужить примером построения гуманного общества в нашем регионе, свободного от какой-либо расовой дискриминации.

...Под грохот снарядов и свист пуль в первые дни вторжения Израиля в Ливан в Бейруте открылась персональная выставка Абдуррахмана Музайена, известного палестинского художника.

Творчество Абдуррахмана Музайена глубоко национально и самобытно. В нем отражены история народа, его сегодняшний день, главным содержанием которого стала борьба за право иметь свою родину, жить на своей исконной земле. Экспозицию открыла одна из интереснейших работ художника — портрет Маджиды Абу Шарара, бывшего руководителя Объединенной службы информации ООП, погибшего в 1978 году в Риме в результате взрыва бомбы. Рядом с ним изображена палестинская девочка, держащая в руках голубя мира. В левом верхнем углу картины изображен конь — символ палестинской революции. Особый раздел выставки образовали портреты, сделанные художником во время поездок в лагерь палестинских беженцев.

На других полотнах запечатлены картины войны — потопленные израильскими агрессорами корабли в портах Южного Ливана, разрушенные дома и развороченные улицы ливанских городов.

Художник умело сочетает элементы традиционной арабской живописи с современными мотивами. Абдуррахман Музайен всегда находится в гуще всех событий своего народа, героическую борьбу которого отображает на своих полотнах.

Имя Абдурахмана Музайена хорошо знакомо не только в арабском мире. Его персональные выставки проходили в Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Советском Союзе, Португалии, ФРГ, Японии, Норвегии, Швейцарии. Абдурахман Музайен известен и как поэт. Он составитель целого ряда поэтических сборников. Под его редакцией в свет вышла объемистая книга «Сборник палестинской культуры». В ней собран богатейший материал об искусстве, культуре, традициях палестинского народа. Но живопись — главное в творчестве и жизни Абдурахмана Музайена.

— В 1980 году, — рассказывает художник, — состоялся учредительный съезд Союза палестинских художников. Несмотря на столь небольшой срок своего существования, союз организовал за это время выставки палестинского изобразительного искусства во многих странах мира. Филиалы союза есть даже на оккупированных Израилем арабских территориях.

Честность, правдивость, искренность — вот черты, отличающие творчество Абдурахмана Музайена, требовательного к себе, мужественного в борьбе с врагом. Он поведал нам о своих коллегах — палестинских художниках, о тех из них, кто, вынужденный жить и творить на чужбине, не утратил связи со своим народом. Ответственность художника перед обществом огромна. Но она особенно велика перед народом, подвергающимся массовому истреблению.

— Израильские агрессоры, — говорит Музайен, — стремятся уничтожить не только мой народ, но и его культуру. И в этих условиях кисть художника становится оружием.

Сулейман Мансур родился в 1947 году в Бир-Зейте. Город оккупирован Израилем в 1967 году. Мансур учился в Академии изящных искусств в Иерусалиме, который также был полностью оккупирован Израилем. Сулейман участвовал в нескольких выставках на оккупированных землях, выставлялся в Аммане, Москве и Лондоне. Сейчас он проживает на Западном берегу реки Иордан, недалеко от Иерусалима, преподает живопись в Рамаллахе, в педагогическом центре Агентства ООН для помощи беженцам.

Корреспондент нью-йоркского «Уорлд мэгэзин» во время беседы с художником спросил:

— Как один из организаторов движения художников на оккупированных территориях, что вы думаете о характере этого движения, о его роли в борьбе палестинцев за самоопределение?

— Позвольте я сначала расскажу об истории возникновения этого движения. Пятнадцать лет назад, когда Западный берег еще входил в состав Иордании, образовалась группа палестинских художников, поэтов, писателей. Она устроила несколько выставок палестинского искусства — первых в нашей истории. Война 1967 года прервала начавшийся процесс объединения палестинских творческих сил. Лишь

в 1971 году два художника организовали маленькую выставку на Западном берегу.

На следующий год состоялась другая экспозиция — полулегальная. В ней участвовал и я. Там встретился со своими коллегами. Мы решили, что настало время объединиться. Направили прошение военному губернатору Рамаллаха, так как без его разрешения мы не могли официально встречаться и устраивать выставки. Целый год власти «изучали» устав нашей группы, а потом прислали отказ. Тогда мы объединились нелегально.

Первую нашу выставку де-факто мы провели в конце 1974 года. Она прошла с огромным успехом в Иерусалиме, Рамаллахе, Назарете, семи других городах. Пятнадцать художников выставили свои картины. Вы даже не представляете, сколько людей пришло посмотреть их! Даже в оккупации народ жаждет искусства. Конечно, у нас были столкновения с властями вплоть до ареста. Несмотря на успех, разрешения мы так и не получили.

В 1975—1976 годах мы показывали наши работы в Иордании. Выставлялись в Аммане и в лагерях беженцев. Нам затем предложили устроить экспозицию в Лондоне. И там нас ждал успех. Это была первая выставка палестинского искусства с оккупированных территорий, проведенная в Европе. Еще одну экспозицию с участием почти двадцати художников мы организовали в 1982 году, показали ее практически во всех городах Западного берега.

Так был установлен и затем развит наш контакт с палестинскими массами. Благодаря ему мы поняли, как нужно писать. Обычно наши художники начинают с изображения тех бед, которые терпит народ. Рисуют беженцев в лагерях, разные печальные сцены. Это, конечно, нужно. Но ведь главное — отразить жизнь народа, упорно стремящегося к освобождению. Только тогда можно создать целеустремленное произведение.

На нашей выставке в Лондоне были и американцы. Они предложили показать ее в США. Что мы хотим сказать американцам? Что мы, палестинцы, боремся не только оружием, но и искусством. Израильтяне утверждают, что «заняли пустыню, где никого не было», или «там жили одни варвары». Нашей выставкой мы опровергаем эту ложь сионизма.

— Легко заметить, что все представленные художники очень молоды. Самире Бадран всего 23 года, вам — тридцать. Это отражает общее положение в палестинском искусстве?

— Да, всем нашим художникам около тридцати лет, чуть больше или чуть меньше. Большинство училось в арабских странах, главным образом в Каире или Багдаде. Конечно, есть много палестинских художников постарше. Некоторые пользуются мировой славой, но они живут в Иордании, Кувейте, Сирии... Мы же действуем на оккупированных территориях.

— В ряде полотен на выставке повторяются одни и те же образы. Иссам Бадр, например, часто рисует фигуру лошади, на ваших картинах у людей неестественно крупные руки. Чем это объясняется?

— Это символические образы, характерные для творчества того или иного художника. Иссам Бадр в фигуре лошади воплощает образ палестинской революции. Я обычно рисую крупные руки. Они, мне кажется, производят особое впечатление. Если, например, у женщины на полотне крупные руки, то она крестьянка. Ее руки говорят о тяжком труде и в то же время оставляют ощущение огромной силы, скрытой силы.

— Как встретили вашу выставку в США?

— Где бы мы ни выставались, обычно в первые дни приходило много людей, затем посетителей становилось меньше. Мы надеялись, что о нашей выставке напишут газеты, однако этого не случилось. Видимо, из-за сионистского влияния на американские средства массовой информации.

— Чем могла бы помочь наша прогрессивная общественность?

— Как я уже говорил, организовать выставку нам очень трудно, невозможно получить разрешение на нее у оккупационных властей. Мы зависим также от цензуры. Нередко мы получаем разрешение на реализацию части наших картин, однако потом власти конфискуют то, что поступило в продажу. Так случилось, например, с моими литографиями. Без всяких объяснений они были изъяты из продажи, а продавцов-арабов оштрафовали на крупную сумму. В то же время на Западном берегу легко можно купить репродукции работ западных художников, израильтян. Они дешевы, продаются повсюду. Это своего рода «культурная оккупация».

Легализация — вот чего мы требуем. Права выставлять свои работы на публичное обозрение. Нам, например, не разрешено устанавливать памятники. Несколько лет назад в Бире арабским скульптором был поставлен памятник в виде небольшого монумента. Это была женщина с ребенком — скульптурная группа без какого-либо политического смысла. Но пришли солдаты и уничтожили ее. Израильские власти просто не хотят, чтобы арабы могли видеть произведения национального искусства.

Мы требуем, чтобы оккупационные власти не чинили нам препятствий в деле утверждения нашей национальной культуры. Чтобы мы могли свободно выражать свои взгляды, свободно ездить по стране. У нас нет музеев, нет картинных галерей, поэтому мы хотим расписывать фресками стены зданий в арабских селениях, чтобы люди могли ежедневно встречаться с прекрасным. Нам отказывают даже в этом. Тем не менее израильтяне любят утверждать, что их оккупация (арабских земель) является самой либеральной в истории. При этом они с гордостью показывают на три арабские газеты, издающиеся в оккупированном восточном Иерусалиме.

Из этих трех газет «Аль-Фаджр» и «Аш-Шааб» стараются высказываться за самоопределение палестинского народа в отличие от «Аль-Кудс». Обе газеты периодически закрываются или подвергаются суровой цензуре. В 1974 году бывший редактор «Аль-Фаджр» Юсуф Насир бесследно исчез после того, как ушел с работы домой. Его так и не нашли. В том же году редактор «Аш-Шааб» Али аль-Хатыб был выслан из страны. Обе газеты поддерживают Организацию освобождения Палестины. Но, конечно, говорить об этом они не имеют права: цензура зачеркивает малейший намек на упоминание об этой организации.

«Аль-Кудс», крупнейшая в восточном Иерусалиме газета с тиражом пятнадцать тысяч экземпляров, в течение нескольких лет была единственной газетой в оккупированной израильянами арабской части города. На фоне общей политической обстановки она выглядит весьма умеренной. Правда, поначалу она было выступила с критикой кэмп-дэвидских соглашений, но постепенно перешла к осторожной их поддержке. Израильское правительство предоставляет ей относительную свободу от цензурных рогаток. Тем самым оно преследует далеко идущие политические цели: выгодно иметь авторитетную среди арабов газету, которая молчаливо поддерживает политику Тель-Авива.

На всех оккупированных Израилем территориях пресса на арабском языке подвергается строгому отбору и контролю. В соответствии с приказом израильских оккупационных властей ни одна арабская газета не может быть доставлена на оккупированные территории без разрешения с их стороны. Израильские власти могут запретить любую статью, фотографию и даже рекламу. А при этом израильяне утверждают, что цензура носит исключительно военный характер, что она действует ради обеспечения безопасности страны, что она будто бы не имеет никакого отношения к политической цензуре. Последняя сохраняется в строжайшей тайне с целью поддержать в мировом общественном мнении иллюзию о том, что Израиль допускает свободу политических взглядов на оккупированных территориях.

Однако факты свидетельствуют о том, что цензура носит именно политический характер. Так, 15 ноября 1979 года израильские военные власти запретили пятнадцать материалов в газете «Аль-Фаджр», касавшихся ареста Басама Шакаа, мэра города Наблуса. В заметках сообщалось о реакции на этот арест местных палестинских кругов и различных стран мира.

— Подобная цензура призвана подорвать нашу политическую солидарность, искоренить чувство национального самосознания,— сказал в этой связи редактор газеты «Аль-Фаджр» Маамун ас-Сейид.

По его словам, израильские власти подвергают строжайшему контролю местные новости. Запрещенная тематика охватывает

сообщения о реакции местного арабского населения на планы установления автономии для палестинцев, данные о создании новых еврейских поселений, о захвате арабских земель, о судебных исках палестинцев, направленных на прекращение этой экспансии. Сюда же относятся сообщения о сопротивлении палестинцев планам автономии, оккупационному режиму, о демонстрациях протестов, арестах и высылке представителей палестинского народа.

Известный израильский журналист, корреспондент ежедневной газеты на иврите «Аль-Гамишмар» Амнон Капелюк, являющийся одновременно корреспондентом французской «Монд» считает, что израильская цензура арабской печати преследует политические цели. Он с удивлением отмечает, что израильтяне не допускают к публикации многие арабские слова. Среди них такое, как «АУДА», то есть «ВОЗВРАЩЕНИЕ». Оно может напомнить о праве палестинских беженцев на возвращение в родные места. Или такое слово, как «СУМУД», что означает «СТОЙКОСТЬ». Оно используется, когда речь идет об упорном сопротивлении израильской оккупации и планам навязываемой палестинам «автономии». Капелюк обнаружил также много запрещенных произведений арабских прозаиков и поэтов.

Израильский военный представитель в Иерусалиме (его полномочия распространяются на всю территорию оккупированного Западного берега реки Иордан) подполковник Ами Гулка признал, что порой между военной и политической цензурой проходит лишь тонкая грань. «Вы должны понимать, — разъяснял подполковник представителям западной печати, — что положение на территориях весьма напряженное. Иногда достаточно небольшой искры, чтобы произошел взрыв».

Гулска одобряет жесткую цензуру арабской печати, полностью поддерживает репрессивные действия израильских властей в отношении арабских журналистов.

«Я иногда задумываюсь, — откровенно признался этот представитель Израиля, — зачем вообще арабам печать?».

Такую же позицию отрицания занимают сионисты в отношении палестинской художественной литературы и арабской публицистики, которая не только существует, но и активно борется за правое дело своего народа.

Известный палестинский поэт и общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Махмуд Дервиш сказал как-то, что истинная поэзия неотделима от народной борьбы, и поэтому он использует свой стих как оружие.

Даже не верится, что этот худощавый, гибкий, как тростинка, человек является автором неукротимых, вулканических стихов о героической борьбе, горе и страданиях народа, лишенного родины, о его мужественном сопротивлении агрессорам, о героизме и стойкости

патриотов. В поэзии Махмуда Дервиша Палестина стала символом мужества и стойкости не покорившихся судьбе людей. В интервью болгарскому журналу «Параллели» Дервиш заявил:

— Борьба всегда была главным содержанием палестинской поэзии. Стрдания не сломили нас, хотя судьба народа сегодня невероятно тяжела. Как никогда велика вера в победу. Народ, который борется, верит в свои силы. Это я и стремлюсь передать в своих стихах.

Когда Махмуда Дервиша спросили, как он стал поэтом, он ответил:

— Поэтическое волнение зародилось в то время, когда я пережил чувство невосполнимой утраты. Я потерял отечество. Но это горе было не только моим. Его переживали все палестинские дети, лишённые родины, а вместе с ней и детства. Мне было шесть лет, когда нас изгнали из родных мест. Эта трагедия осталась в памяти на всю жизнь. Мое первое стихотворение было написано еще в школе. Помню, это был день национального праздника Израиля. Палестинских детей заставили торжественно его отметить. Я прочел на уроке свое стихотворение, но его содержание не имело ничего общего с этим праздником. В нем говорилось о страданиях моей семьи, оставшейся без крова, о муках моего народа, лишённого своей земли. Разразилась буря. Я был доставлен к израильскому военному губернатору. Разъяренный, он ударил меня. Так я получил еще один урок ненависти к несправедливости. Мне запретили писать стихи. Но я уже твердо знал, что мой путь — поэзия. И еще я понял, что это такое — борьба. Ее я и продолжаю сегодня.

О главном герое палестинской поэзии Махмуд Дервиш сказал, что, по его убеждению, это народ. Народ, который с оружием в руках отстаивает свое существование. Он сказал дальше, что, по его мнению, роль литературы и поэзии состоит в том, чтобы частное, индивидуальное поднять на такую высоту, которая бы позволила создать обобщающий образ борца. Но этот герой должен быть реальным, а не схематичным, ибо его прообразом служат живые люди. Поэзия, считает Махмуд Дервиш, есть исключительное средство самопознания народа, познания мира. Поэт должен рассматривать жизнь в ее бурном развитии, динамизме, угадывать в нем основное, то есть идти в ногу с событиями дня. Он часть своего отечества, и его долг — подняться в трудный для родной земли час на борьбу за нее. Мы пишем в своих стихах, говорит Махмуд Дервиш, о героизме народа потому, что считаем: люди должны знать, что палестинцы борются, высоко подняв голову. Такой народ нельзя поставить на колени!

Бейрутское издательство «Аль-Фараби» выпустило еще в мае 1978 года книгу известного палестинского писателя и поэта Муина Бсису (умер в 1984 году) под названием «Палестинские тетради». Книга стала заметным явлением в палестинской публицистической литературе. Имя Муина Бсису, лауреата Международной премии «Лотос», хорошо известно во многих странах мира. Произведения

палестинского поэта неоднократно издавались и в нашей стране. Его стихи опубликованы в сборниках «Ветвь оливы», «Поэты Палестины», «Палестина в сердце».

«Тетради» Бсису — своего рода дневник борьбы палестинского народа за свою свободу и независимость. В нем автор воспел родной город Газу, где родился в 1930 году, воспел истерзанную захватчиками землю. На протяжении всех лет со дня выхода в свет этой книги и особенно теперь, пожалуй, как никогда ранее, «Тетради» воспринимались и воспринимаются палестинским народом как яркий факел, освещающий нелегкий путь сопротивления.

Произведения поэта пронизаны глубокой любовью к утраченной родине. Автору «Палестинских тетрадей» дороги просторы окружающих город пустынь, голубые воды омывающего его моря, минареты мечетей. Газа, город богатых революционных традиций, предстает перед читателем через судьбы палестинцев — детей и взрослых, борцов за правое дело народа — коммунистов.

«Тетради» Муина Бсису не только рассказ автора о пережитом на оккупированных территориях. Это страстный призыв к борьбе за правое дело палестинского народа, самоопределение, светлое будущее.

В «Палестинских тетрадях» Муин Бсису рассказывает об опыте политической борьбы, приобретенном за годы мужественного сопротивления израильской оккупации, царящей силе штыка на арабских землях. В книге убедительно показано, как ширится и набирает силу патриотическая национальная борьба палестинцев, получившая поддержку всего прогрессивного человечества.

«Тетради» были изданы и увидели свет в Бейруте. И это далеко не случайно. Жители и бойцы столицы многострадального Ливана вот уже многие годы самоотверженно противостоят силам сионизма и реакции, выполняющим все грязные поручения империализма.

В осажденном израильскими захватчиками западном секторе Бейрута пламенное слово Муина Бсису помогло ливанскому и палестинскому народам выстоять в жестокой битве с захватчиками, бороться за конечное торжество дела арабского народа Палестины.

В лагерях палестинских беженцев, в боевых группах, действующих на оккупированных арабских территориях, в самой гуще палестинцев не так давно стали появляться люди с кинокамерами. Не взирая на опасность быть убитыми или оказаться в руках израильских захватчиков, палестинские кинематографисты ведут кинолетопись борьбы своего народа.

На открытых киноплощадках в лагерях беженцев, в расположении отрядов Палестинского движения сопротивления, иногда в кинозалах палестинские кинематографисты демонстрируют свои фильмы. Зрители — женщины, старики, дети, молодые люди в форме цвета хаки. В первых рядах и прямо на полу перед сценой самые благодарные зрители — дети. Все, затаив дыхание, смотрят на экран.

Идет документальный фильм, снятый палестинскими кинооператорами на оккупированных территориях.

Захватчики в форме израильской армии на американских «джипах» разъезжают по улицам разрушенной арабской деревни. Вдоль домов — осколки разбитых окон, посуда, обгоревшая одежда, кухонная утварь. Оператор наводит объектив на ученическую тетрадь, повисшую на ветвях обгоревшего дерева.

Сионисты делают все, чтобы уничтожить культуру, вырвать с корнем вековые традиции палестинского народа. Еще в 1958 году палач Дейр Ясина Менахем Бегин, обращаясь к своим единомышленникам, говорил: «Вы, израэлиты, не должны быть сердобольными, когда убиваете своего врага. Вы не должны сочувствовать ему до тех пор, пока мы не уничтожим так называемую арабскую культуру, на развалинах которой мы построим собственную цивилизацию».

Точно следуя этому, оккупанты сжигают книги, уничтожают и грабят памятники старины. Арабские дети лишены возможности учиться: за последние пятнадцать — семнадцать лет не построено ни одной новой школы. Старые же здания производят самое удручающее впечатление. Как назвать школами совершенно непригодные помещения с худой крышей, без отопления, где в холодные дни дети сидят прямо на полу в пальто?

...Резкий поворот камеры — и на экране белая стена дома. Жгуче-черной краской на ней намалевано: «Арабы, вон из Палестины!». Чуть ниже зловещая, как паучий след, надпись «Ках». Это отметина печально известных во многих странах банд сионистских террористов раввина Меира Кахана.

Такие документальные кадры — отражение всей нынешней политики Тель-Авива по отношению к палестинцам, коренным жителям этих мест.

Их было пятеро, организаторов Палестинской киностудии. Троиц уже нет в живых. Похоронен в Бейруте режиссер Хани Джавхария. Его друзья и коллеги Омар Мухтар и Мутья Ибрагим схвачены израильскими десантниками и расстреляны.

Палестинское киноискусство родилось примерно в 1965 году. В прошлом каждая палестинская организация в составе ООП самостоятельно выпускала свои документальные фильмы. Каждая из них в меру своих средств и возможностей снимала фильмы, посвященные борьбе палестинского народа за независимость. Но все больше и больше палестинские кинематографисты убеждались в необходимости объединения усилий. После многочисленных встреч и дискуссий они выработали общую программу действий: продолжать снимать фильмы о ПДС, уделять больше внимания кинодокументалистике и вопросам хранения фильмокопий, всесторонне укреплять связи с международными прогрессивными организациями кино. В 1968 году зародился Институт палестинского кино при

объединенной службе информации ООП. В 1972 году, сразу же после окончания африканского кинофестиваля в Карфагене было проведено первое совместное собрание палестинских кинематографистов, принявших название Ассоциация палестинского кино. Свою задачу кинематографисты Палестины видели в том, чтобы воскресить в людях мужество, поднять их на борьбу.

По этой причине палестинское кино от рождения всегда было искусством борющегося народа, призванным раскрыть жестокую правду о жизни людей, поддержать в них веру в победу, показать образцы героизма и мужества палестинских бойцов. В семидесятые годы палестинское кино получило весьма заметное развитие. Палестинские ленты стали демонстрироваться на международных и региональных фестивалях.

Эти кинодокументы наглядно показывали, что несет сионизм и империализм арабскому народу Палестины.

— Я забыл, как выглядит земля моей родины, пшеничное поле в Галилее, жилые кварталы и огни Наблуса. Эта лента воскресила в памяти образ Палестины,— такие слова произнес палестинец, живущий в эмиграции во Франции, когда состоялась дискуссия после просмотра в Париже фильма «Память, не подвластная времени». В некоторых странах он демонстрируется под названием «Живые воспоминания».

Героини этой картины — две палестинские женщины — рассказывают с экрана о своей жизни, о страданиях, выпавших на их долю. Одной из них, Фарах Хатум, пятьдесят лет. Она родом из Назарета. Ее муж погиб во время военных действий в 1948 году. Агрессоры отняли у нее и без того крохотный клочок земли, но мужественная Фарах не теряет надежду и добивается его возвращения. Другая героиня — молодая палестинская писательница Сахар Халифа. Она живет в городе Рамаллахе, также стонущем под ярмом оккупации. Халифа, у которой трагически сложилась жизнь, пытается отстоять свое семейное счастье.

В воспоминаниях и размышлениях этих двух палестинских женщин о прошлом и настоящем своей родины предстает многострадальный народ Палестины, на протяжении вот уже стольких лет ведущий справедливую борьбу за право жить на родной земле. Фильм «Память, не подвластная времени» взволнованно рассказывает о сопротивлении палестинского населения израильским аннекционистам, о борьбе палестинских бойцов, о мужестве и стойкости палестинского народа.

Режиссер картины палестинец Мишель Хлейфи родился в Назарете в 1950 году. Его отец — рабочий, член компартии. Сам Мишель работал в авторемонтной мастерской. Чтобы получить образование, ему пришлось покинуть Назарет.

— Я, палестинец, не имел в родном городе никаких перспектив для

получения образования. Израильским властям мы нужны лишь в качестве чернорабочих,— говорит Хлейфи.

...Кинокамера медленно следует за палестинской женщиной. На экране ее лицо крупным планом. Она рассматривает фотографии своих близких, разбросанных по всему свету. Фарах Хатум окончательно потеряла их след. Они скитаются из одной страны в другую. Она уже не так молода, чтобы последовать за ними и покинуть родные места.

— Эта земля, оккупированная израильской военщиной,— говорит Фарах Хатум,— всегда принадлежала палестинцам и должна принадлежать им.

Фарах Хатум не склоняет головы перед захватчиками.

— Они не добьются того, чтобы мой народ потерял свое достоинство! — гневно восклицает она.

Как и Фарах Хатум, молодая палестинка Сахар Халифа страстно ненавидит оккупантов. Об этом красноречиво говорит презрительный взгляд, которым она провожает израильских солдат. Сахар Халифа восстает против узурпаторов. Отстаивая право палестинцев жить на своей земле, она отстаивает и свое счастье.

— Фильм «Память, не подвластная времени», — говорит Мишель Хлейфи, — посвящен моему народу. В этой ленте я хотел сказать, что мужество и стойкость наших матерей и жен укрепляет веру в светлое будущее. Коммунисты и все люди доброй воли не могут молчать, когда израильские агрессоры терзают мою землю. Они не поставят нас на колени! Голос палестинцев сегодня слышит весь мир.

Палестинские кинематографисты считают, что только в тесной связи с народными массами может быть создан по-настоящему революционный кинематограф. Они стремятся быть как можно ближе к народу, чтобы понять его заботы и нужды, полнее отразить действительность, уделять большее внимание событиям регионального характера, вскрывать истинные причины палестинской трагедии, разоблачать и клеймить позором виновных.

Режиссеры и операторы, сценаристы в своих произведениях показывают, что основная мишень палестинского кино — международный империализм и его верный помощник и сообщник международный сионизм, обогащающиеся за счет грабежа стран Азии, Африки и Латинской Америки, насаждающие невежество, отсталость, всячески препятствующие прогрессу и росту самосознания народов.

ВРАГИ ПАЛЕСТИНЦЕВ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

«Расстрела не избежали даже грудные дети. Территория лагерей буквально усеяна окровавленными трупами. Родственники погибших раскопали три глубокие массовые могилы, в которые были свалены

трупы женщин, стариков, детей. В одном из таких массовых захоронений, по словам очевидцев, погребены около двухсот детей».

«В одном из домов были найдены убитые выстрелами в затылок мужчина, женщина и трое детей в возрасте до десяти лет... На улице лежал труп мальчика в возрасте не более трех лет, убитого выстрелом в затылок».

От таких цитат холодеет кровь, мороз продирает по коже. Людям поколения, пережившего ужасы второй мировой войны, они напомнят злодеяния гитлеровских фашистов.

Цитаты взяты из телеграфных сообщений о кровавой бойне, учиненной израильской военщиной в Западном Бейруте 16 и 17 сентября 1982 года уже после ухода палестинских отрядов из Бейрута. Только за эти два дня были зверски убиты более трех с половиной тысяч человек.

Начальник генерального штаба Израиля генерал Эйтан в разгар «кровавой бани» в интервью израильской газете «Маарив» цинично заявил:

— Теперь мы уничтожим то, что должно было быть уничтожено в Западном Бейруте. И мы арестуем всех, кого нужно арестовать. Мы, — продолжал этот бандит в генеральском мундире, — будем здесь делать то, что мы сделали в Сайде, Тире и повсюду, где находятся наши войска.

Собравшаяся в Никосии (сентябрь 1982 года) в связи со злодеяниями сионистов в Ливане Международная комиссия по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов, созданная по инициативе крупных юристов, видных общественных деятелей семнадцати стран Европы, Азии, Африки и Америки, констатировала, что «эти действия представляют собой по характеру международные преступления».

Комиссия заслушала показания свидетелей, испытавших на себе все ужасы войны в Ливане. Она получила заключения экспертов — юристов и врачей. Ознакомившись с вещественными доказательствами, комиссия дала политическую и правовую оценку всем изученным ею материалам. А именно: действия Израиля и его покровителей — грубейшее нарушение норм и принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН и других документах.

Комиссия констатировала, что, подвергнув бомбардировкам и захватив значительную часть Ливана, Израиль не только нарушил общее запрещение применения силы в международных отношениях, содержащееся в статье 2 Устава Организации Объединенных Наций. Израиль совершил агрессию в том смысле, как это сформулировано в определении этого преступления, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1974 года. Согласно этому определению, агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политиче-

ской независимости другого государства. Именно это и происходило в Ливане.

Та же резолюция Генеральной Ассамблеи ООН устанавливает, что «никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии».

В свете этой статьи комиссия нашла совершенно беспочвенными ссылки Израиля на его право прибегнуть к «самообороне» якобы в соответствии со статьей 51 Устава ООН. Ведь эта статья предоставляет право на самооборону только в случае вооруженного нападения на страну, а Израиль никогда не был объектом такого рода действий со стороны Ливана. Право на самооборону в действительности принадлежало и принадлежит палестинцам, насильственно изгнанным со своей территории, и это было подтверждено в ряде резолюций Организации Объединенных Наций в 1981 и 1982 годах.

Необходимо подчеркнуть, что со времени принятия Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным и зависимым странам и народам (1960 год) любые военные действия или репрессивные меры против народов, борющихся за осуществление своего права на самоопределение, считаются тяжчайшим международным преступлением. А именно это систематически совершалось Израилем против арабского народа Палестины.

Международная комиссия констатировала, что, совершив агрессивную акцию против независимого Ливана, Израиль и его сионистские руководители начали в самых широких масштабах осуществление геноцида против арабского населения Палестины.

Согласно Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года, под геноцидом понимаются действия, «совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую».

Как раз эти действия и были совершены в Ливане. Израильские руководители не скрывали, что главная цель их действий — уничтожение Организации освобождения Палестины и палестинского народа как исторической и этнической общности.

Как известно, преднамеренное ведение военных действий против гражданского населения, бомбардировки мирных городов и населенных пунктов были уже более ста лет тому назад признаны тяжкими военными преступлениями. Еще Петербургская декларация 1868 года установила, что воюющие стороны могут вести военные действия только против вооруженных сил противника.

Гагская конвенция 1907 года запретила нападение на открытые или необороняемые города.

Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге (1945

год приравнял разрушение городов и деревень к военному преступлению. Об этом же говорится и в Женевских конвенциях 1949 года о защите жертв войны, под которыми поставило свою подпись также и правительство Израиля.

Прямым нарушением международных конвенций является и использование запрещенных видов оружия. Международная комиссия констатировала, что варварское оружие массового уничтожения широко применялось в Ливане. Причем подавляющее большинство пострадавших — мирные жители.

Здесь установлено, что девяносто процентов пострадавших от военных действий составляло гражданское население. Нужно напомнить, что в годы второй мировой войны среди пострадавших гражданские лица составляли пятьдесят процентов, а в ходе американской агрессии во Вьетнаме эта категория пострадавших составила семьдесят процентов.

Таким образом, Тель-Авиву и клике Бегина — Шарона оказался принадлежащим кровавый рекорд уничтожения мирного населения из числа палестинцев и ливанцев. Сионистские воздушные пираты сбрасывали на густонаселенные районы ливанских городов и на лагеря палестинских беженцев 900-килограммовые бомбы американского производства, использовали шариковые и вакуумные авиабомбы. Согласно заявлению Палестинского Общества Красного Полумесяца, в больницу попадало большое число пострадавших с обширными ожогами и глубокими ранами от американских фосфорных и кассетных бомб.

Комиссия установила, что практиковавшаяся израильской авиацией бомбардировка госпиталей и больниц, защищенных эмблемами Красного Креста или Красного Полумесяца, является нарушением одной из старейших норм гуманитарного права.

Человечеству в XX веке известны только две армии, совершавшие такое преступление: армия гитлеровской Германии и американская армия во Вьетнаме. Теперь в этот позорный ряд стала «армия обороны» Израиля. Преступления израильской военщины в Ливане этим не ограничились. В итоговом документе Международной комиссии по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов были отмечены и такие преступления, как террор в отношении гражданского населения, использование голода как средства ведения войны, создание концлагерей для беженцев и мирных жителей, жестокое обращение с военнопленными, применение пыток и нанесение увечий, систематическое и целенаправленное разрушение зданий дипломатических представительств, уничтожение учреждений культуры и науки.

Агрессия Израиля парализовала работу ливанских административных учреждений. Оккупанты насильственно навязывали этой стране свои «порядки», попирая ногами как нормы международного

права, так и конституцию Ливанской Республики. Тель-авивское воинство нарушало резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по Ближнему Востоку. Агрессор цинично выражал свое пренебрежение волей всего международного сообщества, членом которого он состоит. Вторжение в Ливан серьезно подорвало военный, политический и моральный престиж государства Израиль на международной арене и показало всему миру звериный лик сионистского фашизма, за спиной которого стоят американский империализм и международный сионизм, разделяющие с правящими кругами Тель-Авива всю полноту ответственности за преступления против арабского народа Палестины.

Не добившись успеха в лобовой атаке, израильские экспансионисты при поддержке своих союзников из-за океана развернули новый тур «психологической войны» против палестинцев с целью разоружить их морально и расколоть политически.

Однако эти коварные замыслы врагов мира и свободы народов обречены на провал, ибо им противостоит твердая воля героического народа Палестины. Правое дело палестинцев встречает растущую поддержку миролюбивых прогрессивных сил всех стран, не исключая даже Израиль и США.

Это убедительно подтвердили и события последнего времени и проходившая под эгидой ООН Международная конференция по вопросу о Палестине (Женева, 1983 год), которая рекомендовала XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН провозгласить «Год Палестины» и мобилизовать мировое общественное мнение в пользу справедливого решения палестинской проблемы и удовлетворения законных прав арабского народа Палестины.

В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

1983 г.

ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. С. МИХАЛКОВ. Три сказки...
2. РАСУЛ ГАМЗАТОВ. Очарованный всадник. *Стихи.*
3. Э. ХЕМИНГУЭЙ. «...И оставаться самим собой...» (*перевод с английского*).
4. А. АРЗУМАНЯН. От Арарата до Монблана. *Очерк.*
5. И. ПАНОВА. Беспокойное счастье. *Стихи.*
6. И. ДЕМЬЯНОВ. Солдатская подушка. *Стихи.*
7. Н. ФЛЕРОВ. Черемуха. *Стихи.*
8. М. ЛЮБОМУДРОВ. Судьба традиций. *Статьи.*
9. М. ТАЛЬ. Когда оживают фигуры. *Очерк.*
10. С. ЛЫКОШИН. На дорогах истории. *Статьи.*
11. В. САФОНОВ. Вступление в мир. *Страницы воспоминаний.*
12. З. СКУИНЬ. Большая рыба. *Перевод с латышского.*
13. З. ХИРЕН. Дневник фронтового корреспондента.
14. Е. ШЕВЕЛЕВА. Память. *Стихи.*
15. В. ИВАНОВ. Соседи по времени. *Новеллы.*
16. И. ЛЯПИН. Линия судьбы. *Поэма.*
17. В. РЯБОВ. Читая военные мемуары.
18. С. КУНЯЕВ. По белому свету. *Стихи.*
19. С. ГЕЙЧЕНКО. Сердце оставляю вам. *Рассказы.*
20. ДЖОН ВОЙНТОН ПРИСТЛИ. Гендель и гангстеры. *Перевод с английского*.
21. С. ГОРОДЕЦКИЙ. Воздушный витязь. *Стихи.*
22. А. ГИДАШ. *Лирика.*
23. А. КОЗЛОВСКАЯ. Свекровь. *Рассказы.*
24. О. КОЖУХОВА. Пока живы, пока не забылось.
25. В. БЕЛЕЦКАЯ. Хирурги.
26. Ю. МЕЛЬНИКОВ. Долина жизни. *Стихи.*
27. С. ВОРОНИН. Раскопательские камни. *Рассказы.*
- 28—29. ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ. Прощай, не та Америка. *Роман.*
Перевод с английского.

30. И. ДОЛГОПОЛОВ. Эль Греко.
31. Н. ЛАБКОВСКИЙ. Невыполнимые задания.
32. В. СМИРНОВ. Берег бытия. *Стихи.*
33. В. ПАВЛОВ. Партизанские были. *Рассказы.*
34. Ю. ДРУНИНА. Мы обетам верны. *Стихи.*
35. Н. САЦ. Идем за синей птицей. *Очерк Нины Толченовой.*
36. И. ЛАЗУТИН. Бабкин лазарет. *Повесть и рассказ.*
37. Г. НЕМЧЕНКО. Хоккей в сибирском городе. *Рассказы.*
38. М. СТЕПИЧЕВ. Фронт, где нет передышки.
39. С. КАПУТИКЯН. Часы ожидания. *Стихи. Перевод с армянского.*
40. МОСТЫ ДРУЖБЫ. *Стихи советских поэтов.*
41. Ц. СОЛОДАРЬ. Фарисей. *Из цикла публицистических очерков.*
42. Пять рассказов советских писателей, публиковавшихся на страницах «Огонька».
43. Н. ФЕДОРЕНКО. Морские записи.
44. Г. ГУЛИА. Поездка в кино. *Рассказы.*
45. О. ГЕРАСИМОВ. Йеменские зарисовки.
46. ФАИЗ АХМАД ФАИЗ. Посвящение. *Стихи. Перевод с урду.*
47. Л. УВАРОВА. Речной жемчуг. *Рассказы.*
48. С. ЛОСЕВ, В. ПЕТРУСЕНКО. Месть по-американски.
49. Г. КОЧЕТКОВ. Лесная музыка. *Рассказы.*
50. С. ЯМЩИКОВ. Радость открытия. *Записки художника-режиссера.*
51. Н. АЛЕКСЕЕВА. Ваш выход, артист!
52. Р. БРЭДБЕРИ. Спасительница браков. *Рассказы. Перевод с английского.*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Непокоренные	3
Их сердца в земле Палестины	11
От «народа Дейр Ясина» к «народу Караме» . . .	15
Враги палестинцев перед судом истории	40

Евгений Семенович ЕВСЕЕВ

**ПАЛЕСТИНЦЫ — НЕПОКОРЕННЫЙ
НАРОД**

Редактор **В. В. Дунаев**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 03.07.84. Подписано к печати 30.08.84. А 00413. Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,02. Тираж 92 000 экз. Изд. № 2403. Зак. № 3094.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ ЗА ТОВАРЫ

● Рассчитаться за покупаемые в магазинах промышленные товары можно безналичным путем, при помощи расчетных чеков Гострудсберкас СССР.

● Расчетный чек является именованным денежным документом. Чек может быть выдан на сумму от 200 до 10 000 рублей за счет средств, хранящихся на вкладе или внесенных в сберегательную кассу наличными деньгами.

● Расчетный чек может быть предъявлен для оплаты товара в магазин государственной и кооперативной торговли в любом районе страны.

● Расчетный чек действителен в течение двух месяцев. Неиспользованный расчетный чек возвращается владельцем в любую центральную сберегательную кассу.

● За промышленные товары стоимостью свыше 200 рублей, покупаемые в магазинах потребительской кооперации, и легковые автомобили, приобретаемые на спецавтоцентрах и станциях технического обслуживания ВАЗа, можно рассчитаться также путем перечисления соответствующей суммы со счета по вкладу на счета этих организаций. Такие расчеты осуществляются по поручению вкладчика при предъявлении им в сберегательную кассу справки магазина потребительской кооперации о выписке товара или уведомления-обязательства спецавтоцентра или станции технического обслуживания ВАЗа, дающих ему право на приобретение автомобиля.

● Безналичные расчеты за товары удобны, они освобождают трудящихся от необходимости иметь при себе наличные деньги для покупки товара.

Правление Гострудсберкас СССР